

Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека»*

Дмитрий Куракин

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии, директор Центра культурсоциологии
и антропологии образования, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: dmitry.kurakin@hse.ru

Неравенство — наиболее фундаментальная и труднопреодолимая из социальных проблем современности, поэтому неудивительно, что исследования неравенства относятся к высокоразвитому мейнстриму социальных наук. Серьезным ограничением большинства существующих подходов, сформированных под определяющим влиянием экономики и теории рационального выбора, является то, что их фокус ограничен распределением ресурсов, материальных или символических. Однако наиболее важные эффекты неравенства, такие как социальная дезинтеграция, маргинализация больших социальных групп, снижение социальной связности, морального и когнитивного консенсуса, вплоть до утраты возможностей элементарной эмпатии, которые и делают неравенство осевой проблемой современной жизни, выходят далеко за пределы проблемы распределения и доступа к благам. Чтобы выстроить более широкую перспективу, важно последовать примеру быстро формирующегося фронта изучения неравенства в социологии культуры и дополнить картину распределения другим ключевым измерением неравенства — социальным признанием. Это позволяет понять, как экономические силы, связанные с неравенством, взаимодействуют с конфигурациями культурных паттернов и когнитивных процессов. Следуя этой логике, в статье рассматриваются культурные и эмоциональные механизмы формирования признания, достоинства и идентичности людей и социальных групп и прослеживается связь этих механизмов с когнитивными процессами, стоящими за стремлениями людей и социальной «энергетикой» их действий. Статья задумана как своего рода манифест социологии неравенства и культуры и открывает новые возможности и ресурсы для внутри- и междисциплинарного сотрудничества.

Ключевые слова: неравенство, культура, эмоции, когнитивные процессы, признание, достоинство, идентичность, социология культуры, экономика, эмерджентизм, граничные условия, отчуждение

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

An important next challenge at the nexus of politics and social science research will be to bridge economics and sociology, to better understand how recognition of identity and distribution of resources interact as complementary dimensions of inequality, which are still too rarely put together. This is *the* question of the day, at a time when inequality increases and the social whole is losing its cohesion. The tasks ahead are daunting, and social scientists are well equipped to rise to the occasion. Nothing is more urgent at the present historical juncture.

Michèle Lamont. «Prisms of Inequality»

Неравенство¹ — наиболее фундаментальная и труднопреодолимая проблема всех развитых и большинства развивающихся стран. Её доминирование усугубляется тем, что она легко встраивается во многие другие социальные проблемы и усиливает их. С точки зрения жизни людей и работы институтов, сглаживание чересчур выраженного неравенства важнее даже экономического роста². Экономисты используют давно вошедшие в широкий оборот интегральные показатели неравенства, характеризующие уровень расслоения граждан по доходам: децильное соотношение, показывающее во сколько раз 10% наиболее состоятельных людей богаче 10% самых бедных, или коэффициент Джини, варьирующий от нуля до единицы (от полного равенства до предельной имущественной поляризации). Нашумевшая книга экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» (Piketty, 2014) ярко тематизировала две проблемы: имманентную связь неравенства с капитализмом, способствовавшую его неуклонному росту в исторической перспективе, и то, что неравенство — далеко не только экономическая проблема (Пикетти, 2015).

Проблема несоразмерности доходов сограждан широко обсуждается во многих странах. Ученые и сторонники более справедливого распределения благ создают остроумные визуализации, подчеркивающие несоразмерность экономического положения самых богатых и самых бедных, да и не только самых бедных. Ока-

---

1. В этой статье под «неравенством» я буду иметь в виду в основном социально-экономическое неравенство, поскольку, с моей точки зрения, в России эта его ипостась — самая значительная по своему масштабу. Другие важнейшие измерения неравенства, такие как расово-этническое или гендерное, имеют свою специфику, но и к ним приложима существенная часть рассуждений этой статьи. В своих эмпирических исследованиях я также имел дело прежде всего с социально-экономическим неравенством (Yastrebov et al., 2018; Бессуднов, Куракин, Малик, 2017; Косякова и др., 2016; Константиновский и др., 2006), в том числе в международной сравнительной перспективе (Kosyakova et al., 2016; Kosyakova, Kurakin, 2015), а также с гендерным неравенством на рынке труда (Kosyakova et al., 2015). Благодаря этим исследованиям и многолетнему руководству панельным когортным лонгитюдом «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП), проводимым в НИУ ВШЭ уже почти десять лет, — самым полным и высококачественным источником данных о неравенстве в образовании, мобильности и выходе на рынок труда в России — я довольно хорошо знаю фактическую сторону того, о чем в этой статье пишу, в первую очередь с теоретической точки зрения.

2. Показательна смена приоритетов в Китае: на XIX съезде КПК было провозглашено, что снижение неравенства — более важная задача, чем сохранение темпов экономического роста.

зывается, к примеру, что в Соединенных Штатах небольшая группа людей, которая даже не сможет заполнить один Боинг 747 (хотя для этого все же придется использовать места в эконом-классе), обладает таким же совокупным богатством, как и 200 миллионов их менее состоятельных соотечественников. В графической визуализации суммарного состояния четырехсот богатейших американцев³ любой желающий может нагляднейшим образом убедиться, что крошечной доли их активов достаточно для решения проблем планетарного масштаба, таких, например, как оплата химиотерапии для всех нуждающихся онкологических больных, искоренения смертельных болезней, таких как малярия, полной ликвидации бедности в США или обеспечения доступа к чистой питьевой воде во всем мире.

В России проблемы имущественного расслоения стоят не менее остро: по неравенству доходов мы относимся к странам с высоким уровнем расслоения (Овчарова, Попова, Рудберг, 2016) и практически не уступаем таким общепризнанно поляризованным обществам, как США или Великобритания, в которых тема неравенства давно осознана в качестве ключевой и устойчиво находится в центре политических дебатов, социальной политики и на первых полосах общественных обсуждений. Более того, если мы рассмотрим не неравенство по доходам, а неравенство по богатству, наиболее авторитетный источник — отчет «Credit Suisse» за 2019 год и вовсе помещает Россию на лидирующие позиции в мире по такому показателю, как доля национального богатства, сосредоточенная в руках наиболее обеспеченных граждан (Shorrocks, Davies, Lluberas, 2019). Однако, несмотря на рост числа высококачественных научных исследований по теме, а также на статьи и публичные выступления наших ведущих экономистов, таких как Сергей Гурьев и Константин Сонин, убедительно демонстрирующие масштабы проблемы в России и ее значимость, проблема неравенства по-прежнему находит прибежище преимущественно в нашем «коллективном подсознательном» и до сих пор не заняла подобающее место в экспертном и общественном дискурсе.

Это отсутствие более значимо, чем может показаться. Оно означает, что причины наиболее весомых социальных проблем и источники наиболее острых рисков остаются в тени, зачастую делая неэффективными даже самые здравые меры социальной политики и институционального регулирования. Неудачи социальной политики во всем мире показывают, что существенные прямые экономические вливания часто не способны поправить положение маргинализированных групп. Это обусловлено тем, что неравенство искажает «социальную гравитацию» групп и отношения между ними, поэтому, чтобы подобные интервенции были эффективными, во многих случаях нужно не просто учитывать это, но ставить проблему неравенства во главу угла.

Один из важнейших парадоксов неравенства, затрудняющих его изучение и практическое регулирование во всем мире, состоит в том, что проблемы, в основе которых лежит распределение благ, не решаются простым их перераспреде-

3. <https://mkorostoff.github.io/1-pixel-wealth/?fbclid=IwAR1uVzI7jnSebiXIZLPEG2OMOCOEh6HGHV543Eop6oXmPnyOfiOCTyf5So>

лением. Поэтому понимание экономических механизмов неравенства важно дополнить изучением принципов этой измененной «социальной гравитации». При этом большую роль играет не только прямое фундирование социальной политики социологической и экономической экспертизой, но и широкая общественная дискуссия, которая сделает проблематику неравенства частью практического знания людей. В США и Западной Европе это научное просвещение, связанное с неравенством, продвинулось довольно далеко благодаря большому числу научных и научно-популярных книг, статей, подкастов и телевизионных шоу, знакомящих людей с довольно сложными научными проблемами в этнографически ярких красках и увлекательных историях. В этом смысле исследования неравенства — один из самых практически полезных разделов социальных и экономических наук. У нас же, напротив, низкая консолидированность и, как следствие, публичная невыраженность экспертного знания находит логичное продолжение в популярном дискурсе: проблемы неравенства, базовые принципы его устройства и тактики его преодоления не являются пока частью «житейской мудрости» широких масс, и потому не ложатся в основу поведения людей в той степени, в какой это могло бы помочь им сгладить негативное влияние неравенства на их жизни и жизни их детей.

В свою очередь, в академической социологии исследования неравенства давно стали важной частью дисциплинарного мейнстрима. Однако из-за высокого уровня разделения труда в этой области знания — одной из самых развитых в социологии — большая часть исследователей фокусируется на количественных оценках небольшого набора устоявшихся и хорошо зарекомендовавших себя показателей, тогда как дискуссии о смысле и интерпретации этих показателей в рамках серьезной социальной теории находятся на периферии, а драматические эффекты неравенства, которые и придают значимость всей этой сфере знания, лишь изредка становятся предметом внимания⁴.

В России ситуация усугубляется еще и тем, что в предшествующие десятилетия исследования неравенства в существенной степени выпали из международной повестки. Это произошло в силу стечения исторических обстоятельств: прежде всего особенностей советского социологического проекта и постсоветского перехода. С одной стороны, интерес к проблемам социальной стратификации, мобильности и неравенства был одним из главных драйверов развития советской социологии и, соответственно, стал одним из наиболее развитых ее направлений.

---

4. Например, многие показатели с легкостью можно интерпретировать ровно противоположным образом, чем это обычно делается. Один из лидеров направления, Фабрицио Бернарди, иллюстрируя эту мысль, однажды заметил, что вторичные эффекты неравенства, которые, согласно канонической интерпретации, связаны со способностью привилегированных семей делать более продуманный и осознанный выбор в части образования их детей даже в отсутствие преимуществ в академических успехах, на самом деле порой не связаны ни с какими рассуждениями и производятся на интуитивном уровне (как, например, решение ребенка из профессорской семьи не идти в профтехучилище после девятого класса). Подобное рассуждение можно проделать и в рамках теории относительного избегания риска Голдторпа — Бриана, которая традиционно трактуется в духе теории рационального выбора, но легко и убедительно может быть переинтерпретирована в духе культурного релятивизма.

Уже с конца 1960-х издавались переводы и рефераты западных работ, а также про-рывные работы отечественных исследователей, такие как «Социологические опы-ты» В. Н. Шубкина (Шубкин, 1970), «Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР» О. И. Шкаратана (Шкаратан, 1970) и «Социальные перемещения» М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова (Руткевич, Филиппов, 1970). Камералистская природа советского социологического проекта, занявшего нишу информирования аппарата управления и рекомендаций по практическому регулированию жизни советского общества, в то время как уровень общей социологической теории был занят историческим материализмом (Филиппов, 2013), делала приоритетным изучение проблем социальной структуры, мобильности, образования и труда.

С другой стороны, с точки зрения социальной структуры и неравенства Советский Союз разительно отличался от западных стран, что неминуемо вело к тому, что уже к 1980-м годам советские социологи опирались на совсем другие теоре-тические модели, нежели их американские и европейские коллеги. В частности, по ироническому выражению Александра Филиппова, «главным советским со-циологом» стал Толкотт Парсонс (Филиппов, 2006б: 335) — и это в то время как в западной социологии его влияние не просто снизилось, но перешло в область отрицательных значений. Чрезвычайная популярность Парсонса в Советском Со-юзе, по мнению Вадима Радаева, была отчасти связана с тем, что, по крайней мере в области стратификации, структурно-функционалистская теория куда лучше ра-ботала в реалиях позднесоветского общества, нежели в буруемых классовыми конфликтами западных странах⁵.

После перестройки структурно-функционалистские модели, рассчитанные на структурную и институциональную стабильность, перестали сколько-нибудь сносно описывать картину стратификации новой России, переживающей бурные процессы политических и институциональных изменений, радикальных экономи-ческих реформ, возникновения «с нуля» частного сектора в экономике на фоне стремительного снижения доходов большей части населения и колоссального ро-ста инфляций (Guriev, 2018; Kivinen, 2006: 262–277). Но, во-первых, академический мир весьма инерционен и многие исследователи продолжали пытаться приспособить старые модели к новой реальности⁶ (см., например: Гудков, 2011; Заславская, 2003). А во-вторых, хотя постпереходная Россия уже и не была похожа на Советский Союз, но она еще долго в основных очертаниях социальной и экономиче-

5. Радаев В. В. Курс лекций «Социальная стратификация», прочитанный в Московской высшей школе социальных и экономических наук в 2002–2003 гг.

6. В. В. Радаев писал в начале 2000-х: «Мы по-прежнему перегружены багажом ортодоксального марксизма и не можем преодолеть стихийные увлечения функционалистскими макросоциологиче-скими построениями в духе Т. Парсонса» (Радаев, 2002: 3). Виктор Вахштайн, критикуя «наивный реализм» многих постсоветских социологов, «впитавших в 1960–1970-е годы самобытно понятый структурный функционализм», что выразилось, в частности, в долгой фиксации на «социетальных трансформациях», порожденной их неуклонной приверженностью к теории Парсонса (Вахштайн, 2011: 68), приходит к выводу, что даже когда «постсоветская» страница российской социологии на-конец оказывается перевернутой, то, что приходит ей на смену — «антисоветские» и «неосоветские» языки описания, обнаруживают поразительные сходства с ней и друг с другом.

ской жизни не напоминала США или Западную Европу, где были разработаны все известные теории неравенства и мобильности. Экономика, неравенство, рынок труда и его связь с образованием, экономические и потребительские стратегии семей: все это в России находилось на стадии становления и чрезвычайно трудно поддавалось социологическому изучению. Поэтому, хотя неравенство все еще оставалось популярной темой, российские исследования в этот период имели по большей части поисковый и описательный характер и часто были изолированы от международных дискуссий. Отечественные социологи неравенства (и, примерно с середины 2000-х, я в их числе) выстраивали иногда весьма остроумные, но всякий раз *ad hoc* эмпирические описания, наперегонки с постоянными изменениями картины, каждый раз несущими новые исследовательские вызовы (Chernysh, Nikula, 2020; Константиновский, 2008; Константиновский и др., 2006; Кордонский, 2008).

В мировой науке примерно в это же самое время активно формировался мощный мейнстрим исследований неравенства, в котором закреплялись стандарты эмпирических описаний, разделяемые большинством активных исследователей. В социологии эти стандарты определялись классическим корпусом теорий среднего уровня в парадигме теории рационального выбора, таких как теория относительного избегания риска Голдторпа и Брина (Breen, Goldthorpe, 1997), теория максимально поддерживаемого неравенства и производная от нее теория эффективно поддерживаемого неравенства (Lucas, 2009; Raftery, Hout, 1993; Хавенсон, Чиркина, 2018), теория первичных и вторичных эффектов неравенства, разработанная Раймоном Будоном еще в 1970-е (Boudon, 1974) и три десятка лет спустя введенная в широкий оборот современных исследований усилиями Мишель Джексон и ее коллег (Jackson et al., 2007) и др.⁷ Все эти теории описывают сравнительно стабильные общества, где межпоколенческая передача привилегий проходит по более или менее прозрачным и устоявшимся правилам.

Примерно начиная с 1990-х и на протяжении двух десятилетий нового века эти теории постепенно сформировали хорошо операционализированный и чувствительный к нюансам язык социологических исследований неравенства. Этот инструментальный консенсус проложил путь масштабным сравнительным проектам, которые показали, как механизмы формирования неравенства работают в отличающихся институциональных контекстах (Blossfeld, Shavit, 1993; применительно к России см.: Косякова и др., 2016; Косякова, Куракин, 2016). В свою очередь, такие проекты способствовали одновременно развитию и стандартизации источников информации, таких как лонгитюдные опросы и базы данных. Все это в совокупности сделало основные механизмы воспроизводства социально-экономического неравенства намного более понятными и прозрачными — не столько даже за счет теоретических достоинств указанных моделей, сколько за счет един-

---

7. Один из лучших обзоров этих теорий на русском языке: Чиркина, 2018.

ства языка описания. Единства, из которого российские социологи неравенства по объективным причинам выпали⁸.

Эта историко-социологическая коллизия недавних лет внесла вклад в текущее положение дел: российские социологи лишь недавно стали активно интегрироваться в международный мейнстрим социологии неравенства (Demintseva, 2020; Gimpelson, Treisman, 2018; Ivaniushina, Alexandrov, 2018; Jackson, Khavenson, Chirkina, 2020; Kosyakova et al., 2016; Kosyakova, Kurakin, Blossfeld, 2015; Kosyakova, Kurakin, 2015; Mareeva, 2020; Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Prakhov, Yudkevich, 2019; Rudakov, Roshchin, 2019; Varlamova, Sinyavskaya, 2020; Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018)⁹. Однако количество пока не перешло в качество, и этот прогресс в исследованиях все еще не привел у нас к широкому пониманию неравенства как базовой проблемы современного общества, формирующей ключевой контекст многих социальных процессов, от образования и социальной политики до урбанизма и развития местных сообществ.

Такое положение дел способствовало заметному угасанию «интеллектуального флера» социологии неравенства: эта область часто рассматривается как техническая и скучная и сравнительно редко привлекает внимание увлеченных студентов. В этой статье я постараюсь, помимо прочего, напомнить исследователям неравенства, почему то, что они делают, так важно и захватывающе, и как это связано с большими вопросами социальных наук. В этом смысле миссия этой статьи — добавить голос социологии к картине, общие очертания которой уже выявлены экономистами и двигающимися в проложенном ими русле социологами, и показать, каковы социальные и даже экзистенциальные ставки проблемы неравенства, и что социологическая теория и социология культуры могут добавить для понимания того, что такое неравенство и как оно встроено в социальную жизнь.

Экзистенциальные эффекты неравенства

Экономисты сосредотачивают свое внимание прежде всего на перекосах в распределении благосостояния, которые в большинстве обществ достигают масштабов, несоразмерных с предположительной разницей в таланте, способностях и трудо-

---

8. С точки зрения конвенциональной мировой социологии наиболее информативными источниками по проблеме неравенства и социальной мобильности в России в конце 1990-х и начале 2000-х были работы зарубежных ученых, специализирующихся на России, таких как Тед Гербер и Чарли Уолкер (Gerber, 1998, 2002, 2003, 2004; Walker, 2007, 2009, 2010).

9. Этому возвращению способствовало развитие высококачественных социологических баз данных. Помимо лонгитюда РМЭЗ, существующего с 1994 г., это запуск специализированных исследований, нацеленных на исследование неравенства: в первую очередь, лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП) (Kurakin, 2014b; Malik, 2019) и российской части ретроспективного «Education and Employment Survey». Благодаря этим и некоторым другим данным усилиями целого ряда исследовательских групп впервые удалось выразить в конвенциональных терминах, допускающих сравнения с международным опытом, надежные описания основных механизмов воспроизводства социально-экономического неравенства в образовательной системе, и тем самым перевернуть страницу исследований образовательного неравенства в России.

затратах людей, находящихся на разных ступенях социально-экономической стратификации — разницей, которая, в духе меритократических принципов, должна была бы оправдать неравномерный доступ к благам. Иными словами, речь идет о том, что ресурсы распределены *несправедливо*. Те, кто при честных правилах игры должны были бы получить больше благ, получают меньше, чем могли бы, если бы эти правила были по-настоящему справедливыми, тогда как другие забирают себе несоразмерную долю национального пирога благосостояния. Даже когда справедливость не является предметом обсуждения, как это и бывает чаще всего, подспудно именно эта категория стоит за дискуссиями о неравенстве¹⁰.

Такой подход уподобляет работу национальной экономики сделке, в которой одна сторона «обсчитывает» другую. Например, как если вы продаете автомобиль, а покупатель, пользуясь какими-то уловками или нечестными преимуществами, платит вам вдвое меньше, чем машина стоит на самом деле, и вы становитесь беднее, чем могли бы и на что рассчитывали. Действительно, статистика, к которой прибегают экономисты, ясно показывает нам, что мы живем в обществах, где большинство граждан терпит существенный экономический ущерб от текущего положения дел, и этот ущерб несправедлив.

Такое положение дел само по себе неприятно и, безусловно, несправедливо, но, как я постараюсь показать в этой статье, вовсе не это является главной «пружинной» неравенства, сообщающей ему ту значимость и силу, которая и выводит его на верхний уровень общественно-политической повестки или, в других случаях, приводит к мощным социальным потрясениям и даже революциям. Соображения прикладного характера, вроде статистического интереса к тому, сколько в той или иной стране бедных, а сколько богатых, и какова покупательская способность и потребительские привычки тех и других, при всей своей научной и практической значимости, тем более не могут обуславливать центральное положение этой темы в социальных науках. И хотя предполагаемое снижение эффективности экономики из-за чрезмерного неравенства и впрямь может быть главным предметом заботы экономистов, для социологии и этот резон вторичен.

Подлинная сила неравенства кроется в том, что оно, выражаясь лишь немного напыщенно, вторгается в человеческую природу и искажает ее, создает непроницаемые, а иногда непреодолимые границы внутри обществ, затрудняющие не только социальную мобильность, но и солидарное понимание базовых истин мо-

---

10. Йоран Терборн утверждает, что несправедливость — конститутивная черта неравенства, потому что иначе мы имеем дело просто с «различиями» (Terborgh, 2006: 4). В свою очередь, А. Б. Гофман указывает на то, что справедливость — одна из исходных социологических проблем, которая была в центре внимания и у классиков от Спенсера и Маркса до Дюркгейма и Вебера, и у современников от Хабермаса до Болтански и Тевено. Что еще более важно, Гофман отмечает, что некоторые экономические теории, как, например, теория прибавочной стоимости Маркса, являются не столько экономическими, сколько этическими (Гофман, 2017). Это, моральное, измерение стратификации является ключевым и для данного исследования. Пример оригинального эмпирического исследования, в котором выявлено влияние моральных аспектов неравенства (таких как социально-приемлемая разница в доходах и социально-приемлемые долги) на предпочитаемую конструкцию справедливости (дис-трибутивная vs. уравнивающая): Калинин, Девятко, 2019.

рали и рациональности, а иногда и простые эмпатию и сочувствие. Именно эта сторона проблемы придает значимость и справедливости экономического распределения благ, и социальным аспектам экономического поведения людей, и другим граням большой проблемы неравенства.

Политэкономическая «алхимия» неравенства

Глубокий политэкономический парадокс неравенства — упомянутая выше недостаточность экономической перспективы на, казалось бы, экономическую по своей природе проблему — связан с почти «алхимическим» синтезом экономических, социальных и экзистенциальных сил, лежащих в его основе. Действительно, неравенство — это проблема, приведенная к жизни экономическими силами и обычно манифестируемая экономическими показателями, но в части своих глубинных оснований и наиболее важных эффектов имеющая неэкономическую природу. Социальные смыслы *достоинства* и *признания* — помещение одних людей «выше», «над» другими, в результате общественной организации труда и распределения благ, и унижение, которые испытывают те, над кем таким образом доминируют, — формируют основу жизни всех современных людей, определяя не только их идентичность, но и их способность и волю к действию.

«Трюк» исследований социальной стратификации состоит в том, что когда мы определяем понятия «выше» и «ниже» в контексте социально-экономической лестницы, мы редко озвучиваем, что эта «условная» исследовательская операция воспроизводит безусловные социальные силы, недвусмысленно приписывающие ценность верхнему краю этой лестницы. В результате то, что реализовано через распределение благ, посредством этого «алхимического» политэкономического синтеза преобразуется в фундаментальные факты социальной жизни, определяющие идентичность людей и их способность к действию, потерю социальной связи и маргинализацию больших социальных групп — реальность, выходящую далеко за пределы экономики, и проблемы, которые уже не решаются чисто экономическими средствами.

Разгадкой этого парадокса мы обязаны Карлу Марксу и его концепции отчуждения (Маркс, 1974; Маркс, Энгельс, 1955). Поверхностная часть проблемы отчуждения труда состоит в простой экономической констатации эксплуатации одних людей другими, выражающейся в несправедливом присвоении результатов их труда. Истинная суть отчуждения — в отчуждении человека от собственной природы и родовой сущности: драматическом искажении всех его стремлений и желаний, подчинении целей его развития средствам, от этого развития отчужденным. Ю. Н. Давыдов начинает свою классическую работу «Труд и свобода» с притчи о том, как змея заползла в рот спящему человеку, поселилась внутри и стала управлять им, превратившись в жестокого деспота и полностью подчинив его волю. Потом змея уползла, но человек так и не смог стать свободным: «он настолько привык подчинять свою волю — ее воле, свои желания — ее желаниям, свои

побуждения — ее побуждениям, что потерял способность желать, стремиться, самостоятельно действовать» (Давыдов, 2008: 25). Человек, изнуренный деспотизмом неравенства, лишениями, унижением, бессмысленной работой и необоримой силой социального оценивания, основанного на экономическом успехе, находится примерно в такой же позиции. Его природа, мыслимая гегельянцами в духе идеалов Возрождения и нацеленная на моральное, эстетическое и когнитивное совершенствование, безнадежно искалечена неравенством и адаптацией к нему.

Как и в случае с некоторыми другими понятиями Маркса, оказавшими большое влияние на последующую интеллектуальную историю, например такими, как «товарный фетишизм» или «превращенные формы», важной особенностью отчуждения является то, что истинные силы, стоящие за ним, глубоко сокрыты от тех, кто подвержен их воздействию, и, испытывая его, люди редко понимают, с чем имеют дело. Точно так же и с неравенством. Поэтому, следуя «эмансипаторной» максиме неомарксизма, задача борьбы с неравенством с необходимостью подразумевает, используя термин Хайдеггера, «выведение из потаенности». В нашем случае это означает, что необходимо не только изучать отдельные механизмы неравенства, но и соединять знания, полученные в разных субдисциплинах, в единую картину, в которой каждая из частей обретает свой смысл.

Вечное возвращение отчуждения и его социологические адаптации

В современной социологии наиболее заметный и последовательный голос, зывающий к построению такой перспективы, принадлежит Мишель Ламон. Ее собственное продвижение в этом направлении ознаменовалось серией ярких работ, от ее первой нашумевшей книги 1992 года «Money, Morals, and Manners» (Lamont, 1992) до недавнего масштабного кросс-национального проекта «Getting Respect» (Lamont et al., 2016; Богданова, 2018). Вероятно, не будет преувеличением сказать, что одним из фундаментальных истоков этого долгого и плодотворного продвижения, приобретшего множество единомышленников и последователей, стало как раз Марксово понятие отчуждения — но не само по себе, а в качестве объекта критического переосмысления со стороны Пьера Бурдьё, чьи парижские семинары Ламон посещала как раз в год выхода его наиболее важной работы — «Distinction» (Bourdieu, 1984; Lamont, 2017: 12).

Понятие «символического насилия», пришедшее в теоретических построениях Бурдьё на смену марксовскому отчуждению, отсылало к замаскированным разнообразными культурными практиками (от образования до потребления «высокой культуры») стратегиям господства, в которых сводились воедино доминирование и его же легитимация, причем совершенно незаметно для людей, которые оказывались во власти ложного знания — «доксы». Через эту теоретическую конструкцию Бурдьё сформировал магистральный способ социологической адаптации проблемы отчуждения и конвенциональный социологический ответ на вызовы неомарксизма. При всей ограниченности такого подхода — по крайней мере

в сравнении с масштабом исходного замысла — это позволяет, с одной стороны, воспользоваться прорывом Маркса и его последователей в части понимания глубины неэкономического измерения неравенства и его драматических экзистенциальных эффектов, а с другой — сделать это в социологически конвенциональных терминах.

Как отмечает Ламон, этот теоретический шаг Бурдьё переносил исследовательский фокус с политэкономии к повседневности, экспрессивной культуре и формированию идентичности, что в целом «переворачивало привычный мир вверх дном» и показывало, что «экономические аспекты социальной жизни не обязательно главные факторы в формировании неравенства» (Lamont, 2017: 12)¹¹. Позже она критически переосмыслила теорию Бурдьё, в том числе с опорой на культурную теорию и работы Мэри Дуглас, а также Люка Болтански и Лорана Тевено, что в итоге привело ее к соотношению социальных и символических границ и вниманию к стратегиям оценивания. Таким образом, интуиции Маркса, связанные с отчуждением, в культурсоциологическом прочтении Ламон и ее коллег привели к помещению во главу угла того, как культурные стратегии и практики оценивания — в контексте экономических и институциональных сил — придают значимость и вес одним социальным группам и подвергают унижению другие.

При всей своей радикальности, марксизм в целом и теория отчуждения в частности никогда не переставали быть вызовом и источником вдохновения для западной социологии. Чтобы усвоить этот импульс, однако, всякий раз требовалась адаптация и конкретно-историческое «смягчение» исходных посылок, с тем чтобы переподчинить их приемлемой для социальных наук онтологии¹². Бурдьё и Ламон, как мы видели, использовали для такой адаптации перефокусировку на повседневность и символические структуры, а, например, Бирмингемская школа — критические переработки Антонио Грамши, разрушившие ригидность схемы «базис — надстройка» и таким образом вернувшие на сцену культуру (Holub, 1992; Грамши, 1991). В советской социологии, в оказавшийся коротким для марксизма период между догматизмом и забвением, понятие отчуждения также применялось в конкретно-эмпирических целях, для чего в ход шли подобные теоретические стратегии. К примеру, Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, В. В. Радаев и Т. П. Субботина в конце 1980-х годов показали, что очевидно ошибочный тезис о том, что при со-

---

11. Джеффри Александер и Филип Смит — современные социологи, чьи теоретические позиции мне наиболее близки, критикуют Бурдьё и других представителей «слабых программ» в социологии культуры за «сдачу» автономии культуры — по сути — низведение культуры до уровня передаточного звена в классовом доминировании (Alexander, 1995; Александер, Смит, 2010). Однако достоинства этого теоретического шага, подчеркнутые Ламон, равно как и ее собственная роль «трендсеттера» в возвращении понятия культуры в исследования неравенства, с моей точки зрения, в историко-социологическом смысле перекрывают эти недостатки — тем более что, как я постараюсь показать в этой статье, автономия культуры возвращается на сцену.

12. Однако эти адаптации — равно как и основанные на них социальные технологии — время от времени терпят сбой (как это снова происходит на наших глазах с протестами в Европе и США). И Маркс и отчуждение возвращаются снова и снова, в духе описанного Ю. Н. Давыдовым принципа чередования кризисного и стабилизационного сознания в социологии (Давыдов, 2002).

циализме нет отчуждения, в содержательной части был основан на «бессубъектной трактовке производственных отношений», которая в отсутствие в плановой экономике саморегулирующихся экономических механизмов капитализма теряет всякие основания (Кузьминов и др., 1989: 196). Рассмотрение отчуждения как конкретно-исторической проблемы экономики, культуры, социального развития и управления позволило им выявить целый ряд специфических для социализма механизмов отчуждения труда, делающих отчуждение не менее, а, напротив, более характерным для реальных социалистических систем (вывод, позже подтвержденный и другими исследователями; см., например: Kivinen, 2006: 262–263). Эти механизмы носили культурный и институциональный характер; среди них авторы, например, выделили «стереотип разверстки», «труд как повинность» и «технократический подход, отрывавший экономическое от социального» (Кузьминов и др., 1989: 195–196).

В своем эссе, приуроченном к вручению ей Премии Эразма¹³ в 2017 году, Ламон указывает на то, что неравенство как проблема социальной науки имеет два ключевых измерения: *распределение ресурсов* (как материальных, так и символических) и *социальное признание* — то есть то, что и составляет моральную и смысловую основу жизни и идентичность любой социальной группы (Lamont, 2017: 45). При этом в настоящий момент хорошо изучено лишь первое измерение — благодаря многим десятилетиям работы социологов и экономистов неравенства, в течение которых эта область превратилась в высокоразвитый дисциплинарный мейнстрим¹⁴. Однако именно сейчас, когда социальное расслоение и дезинтеграция достигают во всем мире такой степени, что это сказывается на всех аспектах социальной жизни — от кризиса социальной политики и резких политических изменений во всем мире¹⁵ вплоть даже до фундаментальных изменений в экономике¹⁶, — второе измерение неравенства — культурные процессы, лежащие в основе социального признания — становится частью перспективного фронта социологии (Lamont, 2017: 48; Гофман, 2018: 45, 51). Центральная задача состоит в том, чтобы понять, как процессы распределения, в основном экономические по своей

---

13. Престижная ежегодная премия за вклад в развитие культуры и науки, которая может вручаться как индивидуальным, так и коллективным лауреатам. В разные годы ее удостоились: Карл Ясперс, Марк Шагал, Мартин Бубер, Клод Леви-Строс, Вацлав Гавел, Юрген Хабермас, сообщество Википедии и народ Австрии.

14. Для сравнения: Терборн выделяет три измерения неравенства: витальное, экзистенциальное и ресурсное, также указывая, что лишь последнее удостоилось должного внимания со стороны исследователей (Therborn, 2006: 3).

15. В качестве иллюстраций достаточно упомянуть неудачи национальных политик интеграции мигрантов — в мире, где уверенно растущие миграционные потоки обещают в корне изменить привычные представления об устройстве национальных государств; или рост популизма в политике, который уже рассматривается как радикальное изменение мирового политического ландшафта (Alexander, Kivisto, Sciortino, 2021; Guriev, 2020; Guriev, Papaioannou, 2020).

16. Не будучи экономистом, я могу лишь указать в качестве иллюстрации на замешательство мейнстримовых экономистов в объяснении (а перед тем — в прогнозировании) кризиса 2007–2008 гг., при том что кризисы относятся к регулярным экономическим циклам — хорошо изученному и понятному явлению.

природе, взаимодействуют с культурными в своей основе процессами признания, уважения и формирования достоинства основных социальных групп. Это и есть тот синтез экономики и социологии, к которому Мишель Ламон призывает в эпиграфе к этой статье.

Социальные основания достоинства и проблема социодигици

Ричард Сеннетт — один из социологов-теоретиков, изучивших неэкономические основы неравенства наиболее детальным и последовательным образом, в одном из своих рассуждений иллюстрирует их важность и глубину довольно элегантно образом — отсылая к трактату о неравенстве Руссо (Руссо, 2011). Руссо, вероятно, впервые сформулировал простую мысль: в основе неравенства лежит зависть, ведь если бы человек был полностью доволен собой и своим положением и не хотел меняться, он бы никому не завидовал, поэтому вся сила и значимость неравенства восходит именно к этому обстоятельству. Человек завидует, а потому хочет измениться — перестать быть тем, кто он есть. Простота этой мысли, однако, лишь кажущаяся, потому что зависть эта (а на самом деле гораздо более обширный спектр чувств, от подбострастия до презрения) фундаментальным образом встроена в саму конституцию современного человека — в его социальную, когнитивную и даже нейробиологическую природу.

Чтобы продвинуться в понимании этих социальных и психологических оснований неравенства, Сеннетт работает с понятийной парой, введенной Руссо: *amour de soi* — любовь к себе, или самоуверенность, и *amour-propre* — чувство превосходства и его демонстрация. Сеннетт отстаивает мысль, что капитализм и индустриализация способствовали уверенному доминированию второго над первым и фундаментальному подавлению первого (Sennett, 2003). В силу этого люди оказались уязвимыми и неуверенными в себе, поскольку человеческое достоинство стало предметом «игры с нулевой суммой». Здесь мы имеем дело с основополагающим явлением социальной жизни: неразрывной связью достоинства, в том числе субъективно переживаемого самоуважения, с взаимодействием с другими людьми. Проще говоря: чтобы уважать себя, нам нужна санкция других. Но характер и механизмы этого санкционирования всегда имеют исторически специфический характер, и в наше время попадают под определяющее влияние социально-экономического неравенства.

Важную перспективу, которую необходимо упомянуть в этой связи, задает проект социологии ресентимента, разработанный Максом Шелером (Шелер, 1999). Подобно отношениям, выстроенным вокруг дарения и отдаривания, природу которых раскрыл Марсель Мосс, зависть также порождает социальную связь, но связь эта носит негативный характер. Она конституируется постоянным взаимным оцениванием, к которому нас принуждает существующее социальное устройство, и это оценивание ведет к унижению и ущербу для человеческого достоинства. Как и впоследствии Сеннетт, Шелер считает, что ресентимент выходит на

первый план именно в современных обществах, когда тот самый «разрыв», производимый неравенством, о котором я пишу, становится эмоционально-напряженным ядром идентичности людей, поскольку разворачивается на фоне декларативного равенства в правах и достоинстве. В таком обществе операция «ценностного сравнения» становится базовой социальной формой и несет с собой тревогу, страдания и «экзистенциальную зависть»¹⁷. Комментируя квалификацию Зиммелем благородства и аристократизма как «отвергающих любое сравнение», Шелер указывает на то, что это, в сущности, невозможное уклонение от сравнения на самом деле является особой стратегией оценивания, когда ценность не проистекает из сравнения, а предшествует ему, как *amour de soi* Руссо. Принудительное оценивание, формирующее достоинство и формы общения современных людей, о котором пишут Шелер и Сеннетт, — это и есть то часто игнорируемое, но фундаментальное измерение неравенства, изучать которое призывает Ламон.

Каковы эти исторически-специфические социальные основания достоинства? Изучая историю труда, права и социальной политики, Сеннетт приходит к выводу, что понятие «достоинство», в своем исходном виде имеющее прежде всего религиозный смысл, в современности обнаруживает два секуляризованных источника: труд и тело¹⁸ (Sennett, 2003).

Следуя в русле этой мысли Сеннетта, можно заключить, что достоинство, исходящее от труда и его плодов, легитимирует «справедливое неравенство»¹⁹. Этот культурно-экономический комплекс хорошо знаком нам под брендом мерито-

---

17. Шелер пишет об этой зависти: «Она словно беспрестанно нащёптывает: „Все я тебе могу простить; только не то, что ты существуешь и что ты есть существо, которое ты есть; только не то, что не я есть то, что есть ты; что ‘Я’ не есть ‘Ты!’“» (Шелер, 1999). Это фундаментальное, запущенное самой природой социальных отношений кризисное положение вещей напоминает проблему псевдо-суверенитета действия, о которой пишет Ханна Арендт (Арендт, 2017). Она заключается в том, что любой человеческий поступок запускает процессы, которые действующий не в состоянии ни предвидеть, ни контролировать, потому что они определяются оценками и встречными действиями других людей, ведь «не человек, а люди населяют землю» (Там же: 295). Спасением же от влекомой любым поступком дурной бесконечности его неконтролируемых последствий, согласно Арендт, служат прощение, обещание и любовь, эти социальные антидоты социального же гнета. И это в точности соответствует мысли Гёте, в которой Шелер находит средство от изучаемого им социально-фундированного ущерба достоинству человека: «Против превосходства другого нет иного спасительного средства, кроме любви».

18. В основе этих двух категорий отчетливо просматриваются два типа религиозного ведения жизни, выделенные Вебером: мистика и аскеза, потому что тело как сосуд жизни, данной Богом, является неисчерпаемым источником созерцательно постигаемого достоинства, а труд — секулярным воплощением религиозной аскезы.

19. Экономисты различают «справедливое неравенство», обусловленное меритократическими принципами распределения доходов при максимальном равенстве возможностей, и «несправедливое неравенство», при котором возможности существенно неравны. Некоторые исследования показывают, что это различие в определенной степени связано с влиянием неравенства на экономический рост и социальное развитие обществ. Так, в странах с высоким неравенством возможностей уровень неравенства негативно связан с экономическим ростом. А там, где возможности почти равны, величина неравенства по-видимому не снижает темпы роста (Гуриев, 2020). Однако в этом «уравнении» много переменных, и, например, дискуссии о том, как развитие образования влияет на экономический рост, далеки от завершения (см., например: Kuzminov, Sorokin, Froumin, 2020).

кратии, и исторически и культурно связан с капитализмом. К примеру, борьба с рабством — важный катализатор утверждения этой модели в качестве доминирующей: в отличие от предыдущих эпох, лишь в том мире, где труд является источником достоинства, рабство начинает вызывать резкое отторжение. Достоинство, исходящее от труда, таким образом, поддерживает социальную гармонию в меритократических обществах.

Что касается «несправедливого неравенства», достоинство и здесь держит вторую линию обороны, действуя через «социодицею» (пока она не разрушена): тот, кто тяжело работает, но все равно беден, иногда может даже превосходить в достоинстве богатых, особенно если тем богатство досталось даром или обманом. Жертвы экономической несправедливости получают, таким образом, моральное вознаграждение в форме признания и уважения. В наши дни, однако, системно углубляющееся неравенство во многих обществах прорвало и эту линию обороны современной культурной конструкции достоинства, провоцируя острый кризис социодицеи, выражающийся в том, что положение дел с неравенством начинает рассматриваться как остро несправедливое, что влечет за собой кризис легитимности экономических и политических институтов.

К примеру, для американских исследователей неравенства и стратификации одним из главных событий современности является угасание иконического американского индустриального рабочего класса, социально защищенного и преисполненного гордости, и почти полностью смененного сегодня «прекариатом» (Jackson, 2020; Silva, 2013). Если обратиться к нашему собственному «культурному коду», в народных сказках бедные часто чисты душой и прекрасны телом, удалы и удачливы, а богатые уродливы и морально сомнительны. В этом тоже можно усмотреть социодицею: пусть жизнь часто несправедлива, более важные вещи, чем деньги, — моральная чистота, здоровье, счастье и в конечном счете симпатии «читателя» на «правильной» стороне. Но правда жизни, увы, не такова. Так, здоровый образ жизни часто остается недоступной роскошью для непривилегированных (Рощина, 2016): неподъемный круг забот оставляет, казалось бы, столь ясные резоны «заботы о себе» за пределами мыслимого²⁰. Циничная постсоветская поговорка «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» олицетворяет приговор этой наивной фольклорной социодицее. То же касается и области морали, и лучшим примером здесь будет экологически ответственная культура, которая, со всеми оговорками, остается по преимуществу элементом «буржуазной» культуры.

---

20. Один из наиболее впечатляющих российских ЗОЖ-евангелистов, Илья Переседов, недавно написал: «Если ты худеешь на 20 килограмм или больше — это равносильно, как если бы ты заработал несколько сотен тысяч долларов. Именно в эту сумму тебе обойдётся сегодня квалифицированная помощь при болезнях сердца, суставов, диабете и т. д.» (<https://zozhnik.ru/degot-i-myod-pro-knigu-9-shagov-zdorovoj-poteri-vesa/>). Эти впечатляющие и справедливые для состоятельных людей расчеты, однако, неприменимы к жизни людей небогатых: как для них самих, так и для бюджетной медицины эти расходы остаются далеко за пределами возможных и социально одобряемых трат и потому являются фикцией.

Этот национальный «культурный код» является ключом к изучению достоинства как ключевого аспекта неравенства. Олег Хархордин, Капитолина Федорова и Борис Маслов, авторы выдающегося исследования представлений о достоинстве в России, проясняющего как доминирующие ныне культурные конструкции достоинства, так и их преемственность по отношению к исходным античным и возрожденческим традициям, сделали важный шаг в этом направлении (Федорова, Маслов, Хархордин, 2019). Следуя выявленным им трем типам достоинства — происходящего от чина, от заслуг и от подобия Божьего — можно изучить, во-первых, стратегическую уязвимость каждого из них по отношению к неравенству, а во-вторых, возможные конфликты между ними. Архитектуру одного из таких конфликтов я вкратце затрону ниже.

Не менее важная интрига связана со вторым, по Сеннетту, фундаментальным источником достоинства. Достоинство, происходящее из индивидуального тела, — глубоко институционализированное в такой норме международного права, как запрет пыток, и в норме здорового тела как тела без боли как основе нового телесного канона (закрепленной, например, нормативами ВОЗ) (Ветлессен, 2010; Куракин, 2011а) — неотчуждаемо от человека²¹. Это рассуждение входит в интересный и многое проясняющий конфликт с идеей «голой жизни» Джорджо Агамбена (Агамбен, 2011). С одной стороны, Сеннетт помогает увидеть культурную обусловленность того, что Агамбен полагает предшествующим всякой культуре: представление о *зоe*, лишенной достоинства и ценности, но экзистенциально пронзительной из-за своей крайней уязвимости человеческой жизни.

С другой стороны, рассуждения Агамбена позволяют постичь, в сколь амбивалентную позицию ставит современных людей неравенство. Парадоксальным образом, если бы тело не оказалось в нашу историческую эпоху источником достоинства, их позиция не была бы маргинальной и напоминала бы позицию низших слоев в кастовых обществах: устойчивую и не обремененную экзистенциальной остротой унижения (на это, в частности, указывает и Шелер в своих рассуждениях о ресентименте). В современных обществах острая противоположность лишения достоинства, ежечасно утверждаемого всеми социальными институтами и вторгающегося в жизнь человека через многочисленные лишения, исключения и «недопуски» — к благам, к социальному участию и даже ограничение в физическом присутствии в определенных уважаемых местах, и идеационного достоинства, полагающегося человеку в силу его принадлежности к человеческому роду, это именно то, что делает неравенство трагичным.

Ключом к пониманию этой трагедии может послужить понятие «амбивалентность сакрального»: дюркгеймианская социологическая традиция выявила, что помимо устойчивых источников социальной мощи, таких как сакральные символы, вызывающие почтение и пиетет, есть не менее могущественные механизмы,

---

21. Как показывают выводы Хархордина и его коллег, аналогия с достоинством, происходящим от подобия Божьего, тут неполна, поскольку при некоторых трактовках обретение этого достоинства не происходит «автоматически», в силу рождения.

связанные с негативной стороной сакрального — «скверным» (Батай, 2006; Дуглас, 2000; Дюркгейм, 2018; Жирар, 2000; Кайуа, 2003; Куракин, 2016). Одно из наиболее лаконичных определений скверного, или нечистого, принадлежащее Мэри Дуглас, состоит в том, что нечистое — это «маргиналии символических классификаций», или, проще говоря, то, что находится не на своем месте (Дуглас, 2000).

Маргинальная, то есть внутренне противоречивая в своих фундаментальных основах социальная позиция — источник мощного и, как правило, негативного эмоционального заряда, связанная с символическим «загрязнением», которое может распространяться как на социальный статус, так и на эмоциональную основу жизни людей. Святые, юродивые, шуты — это только традиционные примеры маргиналов, а в наши дни маргинализируются обширные социальные слои: сотни миллионов мигрантов во всем мире, жители гетто и, все чаще, обычные граждане, лишенные социального и политического участия.

Неравенство маргинализует, причем не только бедных, а, в широкой перспективе, и «средний класс», и менее богатых, чем самые богатые, и самых богатых, которые могут потерять свое богатство или теряют ясную идентичность, — совсем в духе того, как марксовское отчуждение угрожало далеко не одним только эксплуатируемым, а всем людям.

Чем дальше мы продвигаемся в понимании основ неравенства, тем лучше чувствуем «пульс времени» и тем глубже понимаем природу коллективных эмоций, подпитывающих ключевые институты и процессы современной жизни. К примеру, именно отчаяние перед лицом калечащего людей неравенства, вошедшего в плоть и кровь и сковывающего даже волю и способность к освобождению, стоит за эмоциональным накалом нынешних протестов движения Black Lives Matter в США или «желтых жилетов» во Франции. Искреннее изумление, с которым в России часто встречаются эти новости, свидетельствует о цивилизационном отставании в понимании основных проблем современности, и это отставание во многом связано с кризисным положением дел в проблематике неравенства в России. Высокоразвитый публичный и экспертный дискурсы неравенства, базирующиеся на продвинутих исследованиях, еще не заняли у нас подобающего им места, а уроки марксизма, которые могли бы дать ключ к пониманию этих проблем, давно забыты. Если неравенство не станет у нас предметом принципиального интереса и глубокого анализа, наше отставание от понимания фундаментальных процессов современности будет расти.

Качество и количество жизни

Экономико-статистический взгляд действительно наиболее емко и полно отражает масштаб неравенства и рисует адекватную макроперспективу проблемы, однако чтобы проникнуть в суть последствий и наиболее важных эффектов, необходимо переместиться на микроуровень и понять, как именно та колоссальная «разность

потенциалов» экономического субстрата социальной жизни, которую фиксируют экономисты, приводит к этим эффектам.

Именно социология, причем культурно-чувствительная — то есть та, что имеет истоки в теории культуры, необходима, чтобы осознать незримую власть, которую несет в себе неравенство, и его последствия. В первой половине XX века Марсель Мосс показал, что власть социальных фактов над индивидом столь велика, что, например, в первобытных обществах нарушение незримых и, казалось бы, эфемерных священных запретов часто приводит к быстрой смерти вполне здоровых людей, и это хорошо задокументировано во многих этнографических источниках (Мосс, 1996в). Работы Мосса и развиваемая им концепция тотального человека и тотального факта, стремящаяся соединить в социальном анализе явлений сразу трех порядков — от надындивидуальных до инфраиндивидуальных, заложили основу понимания того, насколько глубоко социальная жизнь вторгается в конституирование не только индивидуальных сознаний, но и телесных, физиологических явлений (Ignatow, 2012; Гофман, 2011: 14–19, 28–32; Мосс, 1996б: 308, 1996в: 289). Иными словами, макрофеномены коллективной жизни, такие как верования, коллективно разделяемые способы действий и факты социальной морфологии, не только определяют когнитивный строй мышления человека (то, во что он верит и с опорой на какие символические конструкции мыслит), но и пробираются вглубь его нейро- и физиологического устройства. Сегодня эти выводы и линии аргументации находят подтверждение уже и в находках нейронауки (Damasio, 1994; Ignatow, 2007, 2010; Lizardo et al., 2020).

Неравенство в наши дни обладает такой же *убийственной* силой, что и священные символы, и каноны так называемых первобытных обществ, о которых писал Мосс, причем это можно понимать вполне буквально: во всех странах бедные и необразованные люди в среднем умирают намного раньше богатых, образованных и благополучных. Их жизни становятся менее «ценными», как бы эта «ценность» ни оценивалась: по количеству денег, какое государство готово потратить на их лечение и которое считается «социально приемлемым»; по тем рискам для жизни, на которые они вынуждены идти, чтобы прокормить свои семьи (от вредного производства до участия в военных конфликтах в числе частных военных компаний или в качестве оплачиваемых добровольцев); по субъективным ощущениям и оценкам, по становящемуся рутинным уровню рисков для здоровья и жизни, по унижительной организации жизненного пространства (например, уличные туалеты в школах и домах). Их смерти часто оказываются лишены достоинства, как, например, в случае с массовыми коронавирусными захоронениями в братских могилах на острове Харт в Нью-Йорке.

Различия в продолжительности жизни социально-экономических групп давно стали предметом пристального интереса демографов. Люди живут дольше или короче, в зависимости от страны или даже региона проживания (в России разница ожидаемой продолжительности жизни между регионами достигает почти 16 лет для мужчин и 10 лет для женщин) (Bessudnov, McKee, Stuckler, 2011; Timonin et al.,

2017, 2020), в зависимости от экономического положения, но особенно от уровня образования (Пьянкова, Фаттахов, 2017; Харьков, Никитина, Андреев, 2017). Исследования показывают, что даже в Скандинавских странах, где уровень неравенства относительно низок, высокообразованные люди живут дольше низкообразованных, причем даже в тех случаях, когда их экономическое благосостояние идентично. Иными словами, мы имеем дело с более глубокими различиями, нежели те, которые можно было бы объяснить разницей в качестве еды и медицинского обслуживания (которая, как показывают весьма надежные демографические модели, очень велика): скорее всего, различие пролегает еще и в самом способе ведения жизни и ее восприятии, в расстановке базовых приоритетов, в ценности жизни; хотя с учетом роли генетики и весьма низкой межпоколенческой мобильности в большинстве стран (Кларк 2018), эти различия могут со временем закрепляться еще и на генетическом уровне.

Эта количественная разница в продолжительности активной жизни имеет вполне наглядные, «иконические» проявления, давно ставшие привычными. В США за право возглавить государство в течение следующих четырех лет борются люди, которым далеко за семьдесят: кто бы ни победил в нынешней президентской гонке, через четыре года самой могущественной страной в мире, вероятно, будет управлять человек в возрастной категории 80+. И это явно не случай дряхлых политических икон «зрелого социализма»: перед нами сильные и энергичные люди, в чьей активности и личной эффективности не приходится сомневаться. В новостях мы привыкли видеть картинки вроде конной прогулки британской королевской четы, где обоим супругам под сто лет. Низкообразованные и бедные люди, по статистике, просто не доживают до такого возраста. Точные оценки по ряду причин затруднительны, но в самом грубом приближении, например, в России ожидаемая продолжительность жизни в этой категории составляет около шестидесяти лет для мужчин²² и семидесяти для женщин. Это все больше начинает быть похожим на сосуществование внутри формально общих пространств национальных государств разных биологических подвидов или «двух наций», по выражению Зигмунта Баумана (Бауман, 2019), члены которых куда больше напоминают иностранцев, нежели соотечественников.

В тех же случаях, когда качество еды и медицины являются частью картины неравенства, дело не ограничивается шокирующей статистической разницей в продолжительности и качестве жизни. В Соединенных Штатах, например, если мы даже с помощью аналитического усилия абстрагируемся от расового измерения проблемы неравенства (а усилие в данном случае потребуется весьма значительное), социально-экономическое положение человека с большой вероятностью можно определить уже по его телосложению. Вы не видите чековой книжки того, кто перед вами, но по тому, строен он или тучен, во многих случаях можете де-

---

22. Йоран Терборн особо выделяет проблему драматического сокращения продолжительности жизни у постсоветских мужчин и считает, что она лишь в силу заблуждения не рассматривается обычно как проблема неравенства (Therborn, 2006: 7).

дать статистически обоснованное предположение о том, к какой социальной вселенной он принадлежит.

Открытие «новой старости» — вдохновляющие и увлекательные нарративы активной жизни людей в возрасте под восемьдесят и старше — это впечатляющее глобальное и прямо-таки цивилизационное новшество, открывающее возраст и форму жизни, вероятно никогда доселе не существовавшие. Неудивительно, что интерес к ним стремительно растет; он нашел выражение, например, в таких популярных сериалах как «Метод Комински» и «Грейс и Фрэнки», тем более примечательных, что не только героям, но и актерам, исполняющим роли «новых старых», часто за восемьдесят. Но и это новшество связано практически исключительно с весьма состоятельными и образованными людьми. Именно они создают культуру притягательной и захватывающей старости, которая по увлекательности повествования начинает теснить ставшую во многом предсказуемой молодость. Символы бедной старости совсем другие: это бабушки, просящие милостыню у станций метро и заглядывающие в мусорные баки, — те, кто давно похоронили своих мужей, но при этом скорее всего окажутся моложе Трампа и Байдена. При этом, статистически, реальность отличается от этих «символов» в первую очередь тем, что она малозаметна: как отмечает Дмитрий Рогозин, «[б]ыть незаметным — кредо стареющих пенсионеров, которое не изменяется уже многие десятилетия» (Рогозин, 2018: 147)²³.

Не требуется чересчур богатой фантазии или визионерских способностей, чтобы увидеть в этих контрастирующих образах старости признаки расходящихся антропологических типов, все более несхожих. Если все же обратиться на минуту к образцам визионерства, мы увидим весьма пристальный интерес элит к исследованиям по продлению жизни на всем спектре от биомолекулярных исследований механизмов старения до утопических проектов создания «эликсира», отсылающих к алхимическим штудиям Средневековья.

Как и во многих других случаях, литература и, в частности, фантастика, может помочь прояснить паттерны коллективного воображения (Зенкин, 2008; Самутина, 2006; Филиппов, 2006а, 2019). Дж. Р. Р. Толкиен глубже многих других почувствовал влияние смерти и смертности на жизнь и ее основные категории, наметив, к какой непреодолимой мировоззренческой и моральной пропасти ведет различие в смертности между людьми и эльфами. Наиболее заметные фанфик-последователи вполне развили эту мысль, лишь сдержанно выраженную самим Толкиеном (в основном посредством туманных реплик морально-безупречных героев-эльфов о том, как далеки они от забот смертных). В книгах Кирилла Еськова и Ника Перумова ярко представлена перспектива, в которой эльфы, в силу

23. Серия ярких и этнографически насыщенных исследований старости, проведенных Д. М. Рогозиным и его коллегами в последние годы, показывает, что «неуместность» остается основной экзистенциальной чертой, пронизывающей жизни российских пожилых. Ситуация старости и бедности «приводит человека в уныние, к потере своего места в мире. „Зачем я столько живу? Для чего я живу? Кому я нужна?“» (Рогозин, 2019: 277): «Вопрос о смысле жизни получает отрицательный ответ» (Там же: 278). См. также: Рогозин, 2017.

своего бессмертия, показаны уже как носители поистине бесчеловечной морали, неприемлемой и глубоко чуждой людям: фактически аморальной с точки зрения человеческих категорий.

Этот мысленный эксперимент делает очевидным фундаментальную связь неравенства со смертью. Если бы люди жили бесконечно, неравенство стало бы абсолютным и непреодолимым: смерть и образование — это «инь и ян» возрождения и обновления социальной жизни. Этот экскурс, кроме того, разворачивает перед нами онтологическое измерение неравенства: такие различия, как неодинаковая продолжительность жизни, разительные контрасты в ее качестве, достоинство в смерти и драматически неравный доступ к тому, что Джорджо Агамбен точно называет «жизнью, достойной быть прожитой», становясь устойчивыми, ведут ко все более непреодолимым различиям в морали и здравом смысле, создавая подвиды внутри человеческого рода.

Таким образом, на самом общем уровне можно заключить, что подлинная трагедия неравенства связана с тем, что количественные различия, о которых нам говорят экономисты, переходят в качественный разрыв между большими социальными группами, и этот разрыв, во-первых, формирует смысловую основу жизни и самопонимания людей, влекущую их к фундаментальной уязвимости и внутренне противоречивой идентичности, а во-вторых, выражен в экзистенциальных терминах, то есть связан с жизнью и смертью. Этот разрыв закрепляется и утверждается через ряд конкретных культурных, социальных, экономических и психологических механизмов, и в следующем разделе я рассмотрю некоторые из них.

Антиномии неравенства. Неравенство или бедность? Мотивация или доступ? Воспитание или гены? Культура или ригидность структуры?

Прежде чем перейти к следующему содержательному разделу, я бы хотел бегло перечислить ограничения своего подхода и дилеммы, которые останутся неразрешенными.

Первая из них состоит в том, следует ли атрибутировать упомянутые драматические эффекты именно неравенству, или точнее было бы говорить о бедности? Иными словами, возможно, калечит людей не неравенство как таковое, а именно бедность как одно из его проявлений. Есть много свидетельств, что и неравенство, и бедность имеют существенный деструктивный потенциал. Однако стоит подчеркнуть, что даже в сравнительной макроэкономической перспективе можно усмотреть существенные подтверждения влияния именно неравенства на наиболее острые социальные проблемы. Например, Ричард Уилкинсон и его соавторы, анализируя данные из разных стран, показали, что такие показатели, как средняя продолжительность жизни, здоровье и качество медицинского обслуживания, уровень доверия, масштабы преступности и других социальных проблем, коррелируют именно с уровнем неравенства в стране и, напротив, не обнаруживают

ясной статистической связи с уровнем благосостояния (см., например: Wilkinson, Pickett, 2011). Далее в этой статье я не буду противопоставлять бедность неравенству, рассматривая первое как интегральный аспект второго.

Другой дилеммой, разрешения которой (если оно и возможно) я попытаюсь избежать, могли бы стать дискуссии о том, что важнее, проблематика фактического доступа к благам, с помощью которого картина неравенства, по сути, регулировалась на протяжении долгих веков, или более тонкие, культурные и когнитивные механизмы неравенства. К примеру, Энтони Гидденс ввел понятие «политики жизни», которая в поздней современности приходит на смену «эмансипаторной политике» (Giddens, 1991). Если в традиционном или индустриальном обществе основным общим механизмом неравенства было регулирование доступа и недосягаемости к благам и возможностям, то в поздней современности, согласно Гидденсу, ситуация существенно меняется. Привилегированные и непривилегированные различаются не столько фактической возможностью сделать тот или иной шаг, сколько способностью развить когнитивные и эмоциональные диспозиции к тем действиям, которые ведут к развитию личности и карьеры. Проще говоря, неравенство все больше связано с тем, чтобы суметь «захотеть» то, что приведет к успеху. «Политика жизни озабочена в первую очередь не условиями, которые дают нам свободу выбирать: это политика самого выбора. Если эмансипаторная политика — это политика жизненных шансов, то политика жизни — это политика стиля жизни» (Ibid.: 214).

Стоит заметить, однако, что эмпирически эти утверждения неоднократно подвергались критике и не так давно стали даже причиной напряженных дискуссий в социологии образования и социологии молодежи. Энди Фарлонг и Фред Кармел показали, что статистически широкая картина неравенства все еще сохраняет основные черты «ранне-индустриальной», и «старые» переменные, такие как социально-экономическое положение семьи, раса/этничность и гендер не утратили своей роли в формировании карьерных и образовательных шансов молодых людей (Furlong, Cartmel, 2007). Таким образом, «эмансипаторную политику» и проблемы доступа к благам, ресурсам и возможностям было бы неверно сбрасывать со счетов. Как я постараюсь показать в этой статье, ключевую роль играет то, как проблемы распределения связаны и взаимодействуют с проблемами культурно-когнитивных комплексов и регуляций, а не то, какой из этих двух аспектов важнее.

Еще одним трудно разрешимым вопросом является влияние генетических факторов на мобильность и воспроизводство неравенства. Социологическая инкарнация знаменитой дилеммы «*nurture vs. nature*» состоит в том, что, объясняя фактически наблюдающееся классовое воспроизводство, социологи привычно атрибутируют его воспитанию, влиянию ресурсов семьи (или их отсутствия) и подобным факторам, тогда как дело вполне может заключаться в том, что существенная часть талантов и способностей детей является генетически унаследованной. Несмотря на то что исследований о влиянии генетики на неравенство становится все больше, вопросов в этой области по-прежнему намного больше, чем ответов.

Наиболее методологически надежные результаты «близнецового метода» на данный момент в основном сводятся к осторожному выводу, что за формирование тех или иных эмпирически-фиксируемых способностей и качеств отвечает синтез генетических и культурных факторов, которые работают в сочетании и поэтому их парциальные вклады оценить затруднительно (Kovas et al., 2007). Природа этого синтеза по-прежнему остается малоизученной. Поэтому, за исключением беглых упоминаний, я обхожу эту важную тему стороной.

Наконец, есть и еще одна очень важная сторона проблемы, о которой я должен упомянуть, но которой я не смогу уделить ровным счетом никакого внимания в этой статье. Говоря о культурных механизмах воспроизводства и преодоления неравенства, я оставляю за кадром как минимум два аспекта, связанные с перспективами преодоления неравенства. Это, во-первых, ригидность социальной структуры и иерархии: сколько бы мы ни давали шанс непривилегированным, в самом грубом приближении неравенство все равно останется «игрой с нулевой суммой», и если на чью-то долю придется процветание и уважение, то кому-то должны достаться бедность и унижение, причем при нынешнем порядке вещей первое зависит и «подпитывается» от второго. А во-вторых, даже в наиболее меритократических обществах есть малоизученные социологами элиты и истеблишмент, в чьих руках сосредоточены существенные ресурсы и власть и которые, по всей видимости, не горят желанием сделать все шансы поистине равными — по крайней мере, в отдельных стратегических областях.

Онтология классового разрыва

«Культура бедности»

Если мы зададимся вопросом, как может выглядеть разрыв, о котором мы говорим, коль скоро дело не ограничивается одним лишь неравенством доступа к ресурсам, на первый план сразу выйдет культура: разные социальные группы различаются воззрениями и верованиями, стремлениями и предпочтениями, стилями жизни, привычками и типичными способами действия. Идея о том, что бедные и непривилегированные своим поведением и взглядами на жизнь сами способствуют своему плачевному положению, возникла довольно давно. Наиболее влиятельная попытка укоренить бедственное экономическое положение в верованиях и обусловленных ими особенностях характера и способах ведения жизни людей связана с понятием «культуры бедности» (в более ранней версии, «субкультуры бедности»), развитым в работах Оскара Льюиса 1950-х и 1960-х годов (Lewis, 1959, 1966).

Дискуссия о культуре бедности, вызванная интригующими выводами Льюиса, выглядела ново и оригинально на фоне современных им теорий социально-экономических достижений, например, модели Блау и Дункана, ограничивавшейся показателями формального образования и положения на рынке труда, или более

продвинутой Висконсинской модели, оперирующей сложными, но ясно и предсказуемо связанными с мобильностью социальными и психологическими факторами. Эта дискуссия оказала существенное влияние на социальную политику в Соединенных Штатах и прежде всего на национальную программу президента Линдона Джонсона «Война с бедностью» и в какой-то степени на инициативу «Великое общество», частью которой эта программа была (Harrington, 1962; Moynihan, 1965). Ведь если богатство и бедность имеют, помимо чисто экономических, и иные причины и основания, значит, и бороться с неравенством можно не только путем перераспределения. Прямое же перераспределение, помимо того что оно не может снискать социального одобрения, особенно в такой стране, как США, еще и многократно обнаруживало свою неэффективность. История социальной политики, да и просто мировая история недвусмысленно свидетельствуют о том, что невозможно сделать из бедных богатых, просто «дав им денег». Поэтому в США в середине 1960-х в ход пошли более сбалансированные экономические инструменты при поддержке карьерного, образовательного и юридического консультирования, образования и повышения его инклюзивности, мер по повышению социального участия, расширения медицинской и социальной помощи, инфраструктурные и культурные проекты и пр.

Историю «Войны с бедностью» нельзя назвать историей успеха, хотя программа имеет очевидные достижения в снижении бедности, особенно среди расово дискриминируемых групп (Zarefsky, 1986; Zigler, Valentine, 1979). Тем не менее программа подвергалась перекрестной критике с самых разных и часто противоположных позиций и в репутационном отношении была существенно подорвана войной во Вьетнаме. Ключевую роль в истории «Войны с бедностью» сыграло то, что неравенство — крайне дискурсивно-чувствительная проблема. Это базовый факт жизни современного человека²⁴, не поддающийся, однако, прямому наблюдению и однозначной интерпретации, и потому фундаментально зависящий от способов рассуждения и выбора дискурсивных средств. Дэвид Заревски показал, что уже сама метафора «войны» способствовала одновременно риторическому успеху в короткой перспективе, позволившему получить одобрение, необходимое для запуска проекта, и итоговому дискурсивному провалу: ведь неравенство — это война, которую невозможно выиграть (Zarefsky, 1986).

Похожие коллизии претерпели и академические основания этой политики. В социальных науках «культура бедности» на короткое время стала флагманом культурноориентированного подхода к неравенству, но это сыграло с теорией культуры весьма скверную шутку, ведь критика подхода «культуры бедности» не только эмпирически обнажила серьезные уязвимости прямолинейного объяв-

---

24. К примеру, социологи часто подчеркивают тот факт, что в современных обществах в основе идентичности человека лежит профессия. «Кем Вы работаете?» — это часто первый вопрос, интересующий людей при знакомстве, позволяющий составить общую картину того, кто перед нами и что от него можно ожидать. Однако в существенной степени этот вопрос попросту является «прокси» статусного положения вашего визави: именно положение человека в картине неравенства дает самую надежную информацию о том, с кем, «в первом приближении», мы имеем дело.

ления бедности вопросом ценностей (см., например: Foley, 1997), но и воздвигла куда более действенное возражение этического рода: обвинение в «blaming the victim» — лицемерном перекалывании ответственности на пострадавшую сторону. Это серьезно и надолго подорвало потенциал культурных подходов к анализу неравенства, ведь любая попытка изучить культурную сторону неравенства и мобильности мгновенно становилась уязвимой для «асимметричной» критики. До некоторой степени эта уязвимость сохраняется и по сей день, несмотря на то что некоторые исследователи утверждают, что тезисы Льюиса были поняты чересчур упрощенно (Gajdosikienė, 2004; Harvey, Reed, 1996), равно как и на то, что широкий круг исследований показывает, что привычки, вкусовые предпочтения и другие культурные паттерны весьма устойчивы и классово-специфичны (см., например: Илле, Соколов, 2018).

Мишель Ламон и ее соавторы подчеркивают, что описанная мною выше историческая случайность, в силу которой культурноориентированные объяснения были искусственно изъяты из исследований неравенства, причем как раз в преддверии «культурного поворота», не делает культуру избыточной или слабо применимой к изучению неравенства перспективой. Ровно наоборот, характер этой историко-социологической интриги является убедительным аргументом в пользу того, что именно культурное объяснение несет в себе применительно к неравенству нерастроченный потенциал, и уже как минимум поэтому обещает стать ключевым на данном этапе его изучения — хотя для обоснования этого утверждения есть и содержательные аргументы.

Ламон и ее соавторы отмечают, что неудача упрощенных попыток объяснить бедность ценностными ориентациями — равно как и концептуальную неоднозначность самого понятия «ценности» в социологии²⁵ — лишь указывают на необходимость построения более сложных объяснительных схем. Они иллюстрируют это утверждение результатами недавних эмпирических исследований. Например, Сандра Смит показала, что «индивидуализм» и «личная ответственность» — установки, которые большинство американцев считают прогрессивными и позитивными — иногда ведут к негативным эффектам, например, при поиске работы для тех небогатых черных, которые, руководствуясь этими ценностями, не полагаются на доступные им социальные связи внутри своих сообществ (Smith, 2007). Таким образом, вместо того чтобы атрибутировать положение людей на статусной лестнице «правильным» или «неправильным» верованиям и убеждениям, нужно соотносить эти убеждения, культурные паттерны и стратегии действий с конкретными культурными, структурными и институциональными контекстами, в которые они оказываются помещены; причем ряд авторов исследований, ставших классическими, — от Пола Уиллиса (Willis, 1977) до Энн Свидлер (Swidler, 1986) — преуспели, следуя именно такой, чувствительной к контексту стратегии.

---

25. Рассматривая ценности в качестве одного из серии ключевых понятий при анализе культуры, они, тем не менее отмечают: «...„ценности“ задают лишь одну из возможных концепций культуры, и, вероятно, не самую продуктивную» (Lamont, Small, Harding, 2010: 10).

К этому аргументу новых культурсоциологов неравенства необходимо добавить, что плоский «семиотический» взгляд на культуру как силу, чья действенность состоит только в ее способности размечать пространство человеческих действий, но не имеющую «энергетического» измерения, которое состоит в способности культуры вдохновлять и одухотворять или, наоборот, внушать апатию и обескураживать людей, — неоправданно ограничивает именно те объяснительные возможности теории культуры, которые наиболее востребованы для понимания природы неравенства. Чтобы объяснить, почему привилегированные живут в мире уважения, энтузиазма и вдохновения, а непривилегированные часто влачат унылое существование, продираются сквозь непризнание, унижения и апатию (Sennett, 2003), нужно понимать культурные механизмы, ведущие к эмоционально-заряженным драйверам действий.

Интеграция культурных, когнитивных и экономических процессов как эпистемологическая проблема

Более сложные подходы, к построению которых призывает Ламон и ее коллеги, возвращают нас к постановке вопроса о «тотальном человеке», предложенной Моссом. Эти подходы должны показать, как экономические, структурные и институциональные силы и принципы их действия, выявленные экономистами, сложно взаимодействуя с культурой, доходят до конкретных когнитивных и поведенческих механизмов, которые толкают людей на те или иные поступки. Эта инициатива выходит далеко за пределы тех социологических исследований, которые лишь дополняют данные экономистов, например, изучая то, насколько представления людей о неравенстве отличаются от его фактической картины: речь идет именно о полноценном междисциплинарном синтезе на базе социологии культуры.

Распределение ресурсов — материальных и нематериальных — остается твердой основой неравенства, его «становым хребтом», однако лишь дополнение картины культурным измерением неравенства может позволить понять, как экономические силы связаны с восприятием и мотивацией людей. В этом контексте Ламон и её соавторы отмечают: «что обычно выпадает из картины, так это понимание того, как интерсубъективно разделяемые смысловые структуры (например, сценарии, нарративы, репертуары и символические границы) способствуют или препятствуют тому или иному поведению людей. Именно здесь мы вступаем в игру, выстраивая теорию о том, что культурные процессы — это ключевое недостающее звено между когнитивными процессами и макроуровнем неравенства» (Lamont, Beljean, Clair, 2014: 580).

Ключевая эпистемологическая сложность, возникающая при этом, — как именно соотносить факты и принципы, принадлежащие к разным уровням реальности: надындивидуальному — включая и культуру, и социальную структуру, и экономику; психическому — включая рассудочные и автоматические/интуитивные

процессы (работа «Системы 1» и «Системы 2» по Канеману и Тверски (Канеман, 2020)), и инфраиндивидуальному (Lizardo et al., 2020). Большая часть существующих исследований фокусируется на одном из этих уровней, рассматривая процессы, происходящие на других, либо подчиненными тем, которые находятся в фокусе их внимания, либо и вовсе их эпифеноменами. Например, успехи нейронаук в последние десятилетия привели к серии «когнитивных поворотов» в социальных и гуманитарных дисциплинах. В результате основные понятия этих наук начали переопределяться и уточняться таким образом, чтобы свести объяснительные схемы к действию нейрокогнитивных процессов.

В социологии когнитивный поворот еще не (вполне) произошел, но именно сейчас активно обсуждаются его перспективные сценарии (Kurakin, 2019b, 2020; Lizardo, 2014, 2017; Lizardo et al., 2020; Martin, 2010; Mast, 2019; Sharikov, 2020; Vaisey, 2009; Куракин, 2018; Шариков, 2019), то есть то, какие именно изменения должна претерпеть дисциплина, чьи представления о сознании, как подчеркивают апологеты когнитивного импорта, укоренены в концепциях конца XIX века. Те, кто настроен наиболее радикально, отстаивают переформатирование социологии в «когнитивную социальную науку», то есть десубстанциализацию основных категорий социальной науки и переход к физикалистской онтологии нейрокогнитивных процессов (Lizardo, 2014). Как и в других случаях, это идет вразрез с идеей Мосса о более симметричном учете процессов, относящихся к разным порядкам. В случае с анализом неравенства его аргументы звучат особенно убедительно: ведь если одни исследователи будут сводить все его сложные эффекты к особенностям мышления, другие к работе экономики, а третьи — к работе «правильных» и «неправильных» ценностей, то не только ни один из этих подходов не даст адекватную и полную, то есть учитывающую взаимодействие между ними картину, но и их совмещение в рамках охватывающей объяснительной схемы будет невозможно — попросту из-за взаимоисключающих онтологических допущений.

В своем недавнем исследовании я пришел к выводу, что выходом из этого затруднения является «эмерджентистский» подход, когда за каждым уровнем явлений признается относительная автономия, при этом каждый уровень выступает в качестве субстрата для следующего — более высокого (Kurakin, 2020; Куракин, 2018). Например, субстратом индивидуального сознания является мозг, тело и непосредственная среда деятельности человека, которые служат основой, но не детерминируют когнитивные процессы. Индивидуальные когнитивные процессы, в свою очередь, являются субстратом для социальной жизни и культуры — наряду с физическими предметами, фактами социальной морфологии и другими явлениями и процессами низшего уровня, но из свойств сознания и законов физики нельзя вывести свойств культуры.

Чтобы сделать следующий шаг на этом пути, я обратился к концепции «границных условий» Майкла Поланьи (Polanyi, 1968). Поланьи заимствовал понятия граничных условий из физики, заметив, что любой наблюдаемый процесс, например работа машины или жизнь организма, можно рассматривать как систему,

находящуюся под двойным контролем: с одной стороны, это законы — соответственно, физики или органической химии, с другой стороны — граничные условия, накладываемые более высоким уровнем процессов, которые можно назвать «дизайном», надстраиваемым над основным уровнем и управляющим им. Граничные условия — это, например, конструкция механизма или устройство организма.

Это простое, в сущности, утверждение Поланьи позволяет сделать существенное продвижение, и оно, при всей своей ясности, ведет к весьма неожиданным и контринтуитивным выводам. Например, некто мог бы привычно заявить, что законы физики объясняют работу автомобиля. Но это не так. Из законов физики нельзя вывести, например, за сколько секунд «Шевроле Импала» 1967 года разгонится до шестидесяти миль в час. В работе автомобиля, как и любого другого устройства или организма, дизайн «запрягает» (если буквально переводить оригинальное «harness» Поланьи) законы физики: работа машины не может противоречить им, но без понимания граничных условий — дизайна машины, невозможно понять ровным счетом ничего из того, как она работает. Если мы теперь перенесем этот объяснительный принцип на то, как устроено неравенство, нам будет легче соотносить процессы разного порядка.

Когнитивное туннелирование и граничные условия культуры и экономики

Если внимательно следовать ходу аргументации Мишель Ламон и ее коллег, культура возвращается в исследования неравенства в качестве ключевого элемента «на плечах» изучения когнитивных процессов. Эти авторы отсылают к ряду работ, в основном опубликованных в последние 10–15 лет, результаты которых показывают, что даже когда люди принимают ключевые решения, определяющие их будущую карьеру и жизнь, или участвуют в принятии таких решений, влияющих на других, оценивать ситуации «с нуля» слишком когнитивно дорого, и поэтому в своих суждениях и действиях люди пользуются когнитивными «схемами» (Lamont et al., 2014: 579–582). Эти схемы всегда содержат установки, связанные с неравенством, например, приписывание добродетелей и достоинств успешным и уважаемым людям, и наоборот — недостатков, лени и преступных наклонностей бедным и представителям расовых и этнических меньшинств. Эти элементы когнитивных схем неизбежно являются частями «уравнений», которое люди решают, когда принимают кого-то на работу, совершают финансовый или потребительский выбор, поэтому решения этих уравнений неизбежно ведут к воспроизводству неравенства²⁶.

---

26. Ламон и коллеги, к примеру, отсылают к социологическим «бестселлерам» последних лет: «Categorically Unequal» Дугласа Мэсси (Massey, 2007) и «Framed by Gender» Сесилии Риджуэй (Ridgeway, 2011). Мэсси продемонстрировал как когнитивные схемы работают в отношении расовоориентированного поведения, а Риджуэй, что мощнейшие инициативы последних десятилетий, направленные на установление гендерного равенства, во многом блокируются когнитивными фреймами, связанными с глубоко укорененными гендерными стереотипами.

Таким образом, выдворенная полвека назад из «этического» парадного входа исследований неравенства культура возвращается через форточку когнитивного поворота — в качестве отсутствующего центрального звена между экономическими макросилами и когнитивными микромеханизмами. Вероятно, во многом этот сценарий связан с зарождением и расцветом поведенческой экономики: вне всякой связи с культурной теорией экономисты поняли значимость когнитивных процессов, знание о которых делало устаревшей модель рационального действия, лежавшую в основе экономических теорий до когнитивного поворота. Однако когда этот аргумент был развернут уже в исследованиях неравенства, быстро выяснилось, что когнитивные процессы во всем опираются на доселе скрытые в дискурсах неравенства культурные силы.

Схемы и фреймы — не единственные когнитивные механизмы, важные для понимания неравенства. В сущности, социологи и раньше знали о расовых, гендерных и классовых стереотипах: новые исследования лишь показали, что они часто действуют неосознанно, на «интуитивном» уровне. Поэтому эти механизмы представляют собой в некотором смысле «тривиальный» случай связи культуры с познанием, ведь давно известны «культурные двойники» этих когнитивных процессов — в виде норм и стереотипов.

Менее тривиальный случай связи культуры и когнитивных процессов, крайне важный для понимания неравенства, представлен эффектами «когнитивного туннелирования»²⁷, которые, в определенных экономических и культурных обстоятельствах, оказываются когнитивными конституентами бедности, нищеты и других критических состояний. Исследователи установили, что стесненные жизненные обстоятельства и трудности, связанные с недостатком разного рода ресурсов, приводят к ярко выраженным и в основном негативным эффектам, таким как ослабление когнитивного контроля, ухудшение рабочей памяти и сужение когнитивной полосы восприятия. В духе «закона Матфея» довольно часто случается, что трудности и дефициты лишают людей тех самых когнитивных ресурсов, которые могли бы помочь им исправить ситуацию.

---

27. Для упрощения изложения в данной статье я использую понятие «когнитивное туннелирование» в качестве зонтичного термина, объединяющего в себе различающиеся по своей природе эффекты, часто отличающиеся друг от друга психологами и когнитивистами. Прежде всего это «когнитивная нагрузка» и «когнитивное туннелирование» в узком понимании термина. Когнитивная нагрузка, выраженная в большом объеме проблем и обстоятельств, требующих вовлечения субъекта, «перегружает» способности к познанию и рассуждению и снижает основные когнитивные показатели. Когнитивное туннелирование — это, как правило, более локальный эффект, связанный со сравнительно краткосрочными последствиями некоего события, выражающийся в перераспределении — прежде всего в сторону сужения — когнитивной полосы восприятия. Так, под влиянием некоего шока, связанного с тем или иным критическим дефицитом, восприятие сужается до домена, связанного с предметом дефицита, и когнитивные показатели в прочих доменах существенно ухудшаются. Несмотря на важные отличия первого и второго, в случае неравенства оба эффекта выражаются в негативном влиянии острого недостатка — материальных и нематериальных ресурсов, признания или уважения — на те когнитивные способности, которые необходимы для улучшения ситуации.

Современная жизнь во все возрастающей степени заставляет людей делать стратегически выверенные выборы: построение продуманной образовательной траектории, личностное и профессиональное развитие, формирование сбережений и управление ими, страхование жизни и имущества и предупреждение правовых рисков, организация доступа к медицинскому обслуживанию, своевременное лечение, а главное, предупреждение рисков, связанных со здоровьем, и многое другое. Как отмечали теоретики современности, такие как Энтони Гидденс и Ульрих Бек, рефлексивный подход к самоидентичности и планированию жизни становится в постиндустриальных обществах базовой парадигмой, поскольку сама возможность выбирать из привилегии становится обязанностью (Giddens, 1991; Бек, 1994).

Ранее эти эффекты были подробно изучены на более абстрактных задачах и ситуациях, таких как эффекты когнитивного туннелирования в визуальном восприятии (например, у водителей или пилотов самолетов), и в разнообразных лабораторных экспериментах²⁸. В последние годы эти эффекты активно изучают в приложении к неравенству и бедности, ведь те многократно описанные исследователями состояния, сопровождающие карьерный или образовательный выбор непривилегированных и ведение жизни в целом, сильно напоминают эффекты когнитивного туннелирования. Это и апатия, нерешительность и безразличие к учебе и достижениям, иногда кристаллизирующиеся в антишкольной культуре (Fordham, Ogbu, 1986), которую можно рассматривать как «граничные условия» когнитивного туннелирования, и многие другие, очевидные с точки зрения исследователей «просчеты» представителей уязвимых групп в экономическом поведении, карьерных стратегиях и жизненном планировании.

Сендхил Мулланатан и Элдар Шафир, чьи работы привлекли существенное внимание исследователей неравенства к процессам когнитивного туннелирования, отмечают, с опорой на ряд исследований, что бедные часто живут в состоянии хронического стресса, повышающего уровень кортизола и способствующего тому, чтобы они дисприоритизировали собственные стратегические и долгосрочные нужды (Mullainathan, Shafir, 2013: 293). Во многом отталкиваясь от исследований Мулланатана и Шафира, Гильерме Лишан и Ананди Мани недавно провели масштабный эксперимент²⁹, в котором они, в серии последовательных тестов, изучали когнитивные показатели бразильских фермеров, находящихся в ситуации, изменяющейся во времени неопределенности, связанной с погодой и ее влиянием на урожай, а также графиком платежей; многие из них также испытывали нехватку ресурсов.

---

28. Типичный пример эксперимента: испытуемым предлагали на выбор высококалорийный торт и фрукты, и те из них, кого до этого попросили удерживать в памяти длинное число, существенно чаще делали «вредный» выбор, то есть их когнитивный контроль ослаб, и внимание перераспределилось таким образом, что «большая картина» их жизни и здоровья оказалась под угрозой.

29. Лишан и Мани изучили 2800 фермеров, проживающих в 47 муниципалитетах, и, сочетая «лабораторные» и естественные экспериментальные воздействия, провели серию тестов когнитивных способностей, отслеживая их изменения во времени (Lichand, Mani, 2020).

Результаты этого исследования показали, что неопределенность относительно скудных ресурсов и сама скудность действуют несколько по-разному, причем неопределенность оказывает более выраженное негативное воздействие на когнитивные способности, чем собственно нехватка ресурсов, — за исключением самых бедных, на которых недостаток ресурсов влияет сильнее, чем неопределенность. Масштабы негативных когнитивных эффектов стесненного положения, зафиксированные Лишаном и Мани, оказались очень велики. Например, снижение когнитивных способностей в результате применения техник «прайминга», то есть когда исследователи, перед тем как провести тест, разговаривали с респондентами о засухе, возбуждая в воображении последних тревогу по этому поводу, соответствовало разнице между когнитивными способностями людей с полным школьным образованием и тех, кто закончил лишь начальную школу, которые исследователи зафиксировали на той же выборке (Lichand, Mani, 2020: 27). А воздействие реальной засухи оказалось еще в два раза более выраженным.

Этот эксперимент позволяет понять, почему люди, находящиеся в стесненных обстоятельствах и в условиях неопределенности относительно жизненно важных обстоятельств, часто ведут себя «умно на пени, но глупо на фунт» (Ibid.: 4). В каждый конкретный год лишь часть бразильских фермеров сталкивается с засухой, но угроза засухи является фундаментальным фактом жизни для всех них, и, как показали результаты исследования, негативно влияет на их способность делать правильный выбор во всем спектре их жизненных обстоятельств (Ibid.: 39). Лишан и Мани поясняют: «Если человек находится в ситуации, когда ему достаточно один раз заболеть, чтобы лишиться трудоспособности, или один раз не заплатить за квартиру, чтобы оказаться на улице, власть этих шоковых событий воцаряется в жизни людей, даже если сами эти устрашающие события так никогда и не происходят — и это оказывает негативные воздействия на все прочие жизненные решения» (Ibid.: 1).

Очень важно, что выявленные эффекты отсылают вовсе не к механизмам прямого воздействия экономики на когнитивные способности: в действительности в каждом конкретном случае мы имеем дело с комплексами из типичных экономических ситуаций, культурных паттернов восприятия и поведения и когнитивных процессов. Имеет значение уклад и мировоззрение людей, их «хозяйственная этика», и то, как эти культурные конструкции, с одной стороны, встроены в экономическую и институциональную реальность, а с другой стороны, через какие когнитивные процессы они работают и воспроизводятся. Поэтому в исследованиях неравенства необходимо уйти от одномерного видения, привычно различающего лишь «факторы» и «барьеры», то, что тянет людей «вверх» или «вниз» по лестнице стратификации, и в каждой ситуации видеть конкретные исторически специфические конфигурации наиндивидуальных, индивидуальных и субиндивидуальных процессов.

Классово-специфические конфигурации культуры и познания

Такие конфигурации действительно обнаруживаются, когда социологи изучают культурные и когнитивные основания поведения представителей конкретных социальных групп в конкретных экономических и институциональных обстоятельствах. Например, основной успех классического труда Пола Уиллиса «*Learning to Labour*», в котором он изучал пути британской молодежи из рабочего класса на рынок труда, состоит в том, что ему удалось показать, что именно стоит за столь грандиозным и нечувствительным к деталям обобщением, как «классовое воспроизводство» (Willis, 1977).

Если мы обратимся к этому и подобным ему современным исследованиям, во многих случаях мы увидим, что, во-первых, за «классовым воспроизводством» всегда стоят конкретные историко-специфические конфигурации — культурные структуры, которые в тех или иных экономических и институциональных обстоятельствах формируют когнитивные процессы, ведущие к мотивации или демотивации и конкретным стратегиям, которые поэтому могут быть классово-специфическими. Например, в своем знаменитом исследовании Аннетт Ларо показала, насколько по-разному базовые когнитивные структуры и процессы формируются у детей, растущих в семьях, принадлежащих к разным классам. Впоследствии ни образование, ни доступ к другим символическим и экономическим благам не может компенсировать влияние этих базовых процессов на мобильность (Lareau, 2011)³⁰.

Во-вторых, эти конфигурации могут вести отнюдь не только к классовому воспроизводству: по данным Джесси Стрейб, в определенных обстоятельствах нарративы рабочего класса нередко оказываются мощным ресурсом вертикальной мобильности, а привычки и верования, типичные для среднего класса, напротив — причиной нисходящей мобильности (Streib, 2017). Так, респектабельная максима «*follow your passion*», созвучная идее Пьера Бурдьё о том, как привилегированные слои дистанцируются в своих жизненных стратегиях от приземленной «необходимости», которой одержимы непривилегированные, в условиях изменившихся рынков труда многих западных стран, часто способствует безответственным и неустойчивым жизненным траекториям и в конечном счете к нисходящей мобильности (Ibid.: 137–139). Не менее респектабельная идея считать развитие и личностный рост наивысшим благом часто входит в конфликт с растущим влиянием корпоративной культуры и из преимущества превращается в недостаток, негативно влияющий на карьерное продвижение (Ibid.: 141).

Иными словами, решающей с точки зрения мобильности оказывается конкретная историко-специфическая и укорененная в локальных контекстах конфигурация, а любой ее элемент, будь то культурный, экономический или когнитивный, взятый в отдельности, действует по-разному в разных контекстах. Такое видение

---

30. См. также интерпретацию находок Ларо с опорой на новую когнитивную социологию и эволюционную нейрпсихологию (Abrutyn, Lizardo, 2020).

существенно отличается от широкого круга работ, до последнего времени составлявших мейнстрим исследований мобильности, во многом находившегося под определяющим влиянием работы Пьера Бурдьё. В этих работах культурные и когнитивные процессы, как правило, рассматривались как подчиненные экономическим и потому играющие роль «трансмиссии» (Alexander, 1995; Alexander, Smith, 2003). Бурдьё и многие другие исходили из того, что какие бы культурные структуры, классовые нарративы или устойчивые образцы поведения ни оказывались задействованы в формировании образовательной траектории и построении карьеры, те, что связаны с происхождением из рабочего класса, будут непременно тянуть индивида к нижним ярусам социальной стратификации. И наоборот: сколь угодно отвлеченные привычки и пристрастия элит, вроде увлечения театром и «высокой» культурой, в итоге окажутся средствами, ведущими «наверх» (Bourdieu, 1984; Бурдьё, Пассрон, 2007). Помимо функции передаточного звена роль культуры сводится к легитимации классового воспроизводства: благодаря ей непривилегированные признают, в сущности, невыгодное им воспроизводство и искренне считают его справедливым. Поэтому для описания процессов мобильности чаще всего используются понятия культурного капитала и габитуса, суть которых как раз и состоит в том, чтобы служить «линейной» трансмиссией между структурой экономических отношений и поведением людей.

Работы Стрейб и некоторых других исследователей показывают, что хотя многие механизмы культурной легитимации классового воспроизводства реальны и по-прежнему действуют, придавая респектабельность экономическому по своей природе превосходству и доминированию, в целом институциональное и культурное устройство современного мира настолько разнообразно и меняется настолько быстро, что привычки и культурно-когнитивные комплексы, которые вчера вели к успеху, сегодня могут увести «на дно». Поэтому даже если в отдельные исторические периоды и в отдельных социальных и пространственных локациях инструментальная замена социологически трудоемкой реконструкции классово-специфических конфигураций экономики, культуры и когнитивных процессов намного более простым в использовании понятием «культурного капитала» допустима и оправданна, то в целом это чрезмерное упрощение не только с точки зрения теории, но и в перспективе эмпирической корректности³¹.

Сказанное справедливо не только в тех случаях, когда мобильность меняет направление, но и когда — в терминах макрокартины — мы имеем дело с воспроизводством неравенства, потому что неравенство — проблема, приведенная в жизнь экономикой, но не сводящаяся к ней и в практическом отношении не могущая быть решенной одними лишь экономическими методами. А следовательно, необходимо преодолеть сглаживающие упрощения и изучать конкретные конфигурации экономических и институциональных условий, культурных структур и когнитивных процессов.

---

31. Это отмечали многие комментаторы Бурдьё, и, в частности, Ламон в работе: Lamont, 2017: 12–13.

Одним из таких упрощений является упомянутая выше теория культурного капитала. Другое упрощение, как и в случае корпуса работ Бурдьё, относящееся к крайне продуктивному в прочих аспектах подходу, содержится в теории рефлексивной самоидентичности Энтони Гидденса (Giddens, 1991). Гидденс выстраивает концепцию, согласно которой рефлексивность есть ключевой ингредиент построения жизни в новых институциональных условиях. Хотя неравенство не является его главной заботой, из его рассуждений вытекает, что индустриальный рабочий класс в целом наследует позиции и карьерные выборы, нежели выстраивает их рефлексивным образом.

Это хорошо сочетается с идеалами самоэффективности и личностного роста как добродетелями по преимуществу верхнего среднего класса, а также переключается с такими влиятельными теориями среднего уровня, как концепция вторичных эффектов неравенства Будона — Джексона (Boudon, 1974; Jackson et al., 2007). Подразумевается, что один из главных факторов воспроизводства неравенства — это разница в рефлексивности, которая приводит к тому, что непривилегированные проигрывают в качестве совершаемого выбора. Однако многие исследователи (в том числе мы в нашем лонгитюде «Траектории в образовании и профессии») показывают, что при выборе образования непривилегированные часто оказываются еще более рефлексивны, чем привилегированные, которым, в общем, с детства ясно, в какие университеты поступать и как выстраивать свою жизнь. Поэтому такие генерализации, как «рефлексивность», бессильны продвинуть нас в понимании реальных механизмов неравенства, пока мы не реконструировали, как именно она работает в каждом конкретном случае.

В своей ставшей довольно популярной книге «Coming Up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty» Дженнифер Сильва описывает, как молодые американцы начинают взрослую жизнь (Silva, 2013). Полученные ею результаты опровергают расхожие стереотипы о том, что выходцы из рабочего класса мало заботятся о своем образовании и карьере, они также частично идут вразрез с более ранними свидетельствами того, что самоанализ, столь необходимый для построения рефлексивного проекта самоидентичности (Giddens, 1991), это именно тот культурный ресурс, которого рабочий класс начисто лишен (Illouz, 2008; Lamont, 2000; Sennett, Cobb, 1993). В начале XXI века молодые американцы из рабочих семей с легкостью оперируют терминами «терапевтического нарратива», и многие из них посвящают массу усилий попыткам сделать правильный выбор в части образования и будущей профессии (Silva, 2013). Однако важна не рефлексивность и склонность к самоанализу как таковые, а то, какова конституция когнитивных процессов и эмоциональных драйверов действий, которые оказываются задействованы культурными паттернами в конкретных экономических и институциональных обстоятельствах.

Некоторые исследователи указывают на то, что даже когда выходцы из семей с низким социально-экономическим статусом прикладывают существенные усилия к получению хорошего образования и построению карьеры, часто они чрез-

мерно фокусируются на отдельных задачах — не столь значимых в общей картине — упуская из виду более широкие проблемы и перспективы. Так, Дженнифер Сильва показала, что те, кто получает высшее образование впервые в истории своей семьи, часто сосредоточиваются на отдельных тактических задачах и тратят массу усилий в попытке сделать безошибочный выбор, но подобная концентрация внимания ведет лишь к провалам в стратегической перспективе, поскольку ослабляет контроль и выбор в более широком круге проблем, а это приводит к промахам, имеющим серьезные последствия. Она пишет: «Молодые люди из рабочего класса чрезмерно верят в то, что выбор „правильного“ мейджора жизненно важен для будущего успеха. Вместо того чтобы рассматривать университетский диплом как подтверждение квалификации, они считают выбор специальности определяющим для всей их последующей траектории» (Silva, 2013: 48).

На этом примере ясно видно, что рефлексивность как таковая не является гарантией эффективного выбора. Точно так же дела обстоят со всеми другими отдельными культурными или когнитивными элементами, и наиболее показательными здесь будут «ценности». Выше я уже упоминал исследования, в которых показано, что одни и те же ценности работают по-разному в разных контекстах. Вдобавок к этому многие авторы отмечают, что сегодня непривилегированные вполне усвоили ценности среднего класса, как минимум на декларативном уровне — а именно так ценности обычно и измеряются в эмпирических исследованиях (Lamont, 2017). Бедные, мигранты, представители расовых и этнических меньшинств и другие, кому не так уж часто удается построить успешную карьеру, прекрасно знают, как правильно отвечать на вопросы вроде «Важно ли образование для карьеры?». Этот эффект вошел в историю исследований неравенства под названием «achievement–aspiration paradox». Как и во многих других случаях, парадокс тут кажущийся, ведь отдельный культурный элемент, тем более такой, как измеренные в опросе «ценности», редко может оказывать устойчивое причиняющее воздействие на социальную мобильность.

В своей книге Сильва детально разбирает частные истории неудач, и многие из них объединяет то, что в них можно усмотреть узкое и «смещенное» окно восприятия в сочетании с отсутствием видения широкой картины и низким когнитивным контролем. Можно предположить, что здесь мы снова имеем дело с эффектами когнитивного туннелирования. К примеру, Сильва описывает многие случаи, когда люди упускают важные шансы (проваленный тест на легкие наркотики, препятствующий получению отличной работы по квотам для бывших военнослужащих, — событие, нивелирующее вознаграждение за службу в Ираке) или допускают критические промахи (мелкий «криминальный рекорд», ставящий крест на карьере в сфере криминального правосудия, которой было посвящено образование).

У этой очень узнаваемой картины, для описания героев которой иногда используется довольно меткое русское слово «непутёвый», есть конкретные структурные причины, и это далеко не просто низкий уровень культурного капитала.

Указанные исследования выявляют устойчивые конфигурации смысловых структур (включая стратегии действий и способы рассуждения) и когнитивных механизмов, на которые эти структуры опираются и которые приводят в действие, — в типичных экономических и институциональных обстоятельствах: и во многих случаях это приводит к классово-специфичному ведению жизни.

«Энергетическое» измерение культуры и эмоциональные драйверы действия

Культурно-когнитивные комплексы, о которых идет речь, проявляют себя в сильно различающейся эмоциональной разметке, придающей смысл и притягательность тем или иным репертуарам действий. Из своего социального опыта мы хорошо знаем, что, например, там, где одни самозабвенно «вгрызаются в гранит науки», другие видят лишь скуку и тяготы, и в итоге это сказывается на успехе в учебе и построении карьеры. Как минимум начиная с работ Бурдые социологам хорошо известно, что люди с разным классовым бекграундом, сидящие за одной партой в университете, часто делают разительно различающиеся карьеры. Раймон Будон классифицировал разницу в академических достижениях социально привилегированных и непривилегированных в качестве «первичных эффектов неравенства». Социально обусловленная эмоциональная конституция действия может оказаться ключом к этим процессам.

Если вынести за скобки все еще малоизученные генетические факторы воспроизводства неравенства, многие исследования дают основания предположить, что на микроуровне познания ключевую роль играют его «эмоциональные драйверы». Роль эмоций в познании продемонстрирована во многих процессах (Abrutyn, Lizardo, 2020; Damasio, 1994; Ignatow, 2007) от работы памяти (Levine, Burgess, 1997; Marzi, Regina, Righi, 2014) до управления вниманием (Abrutyn, Lizardo, 2020; Gray, 2001; Harlé, Shenoy, Paulus, 2013), и в социологии крепнет консенсус, что «эмоциональная собака виляет рациональным хвостом, а вовсе не наоборот» (Haidt, 2001)³². Таким образом, классовые различия в академических успехах могут объясняться различиями в аллокации эмоциональных драйверов действия — как части классово-специфичных культурно-когнитивных комплексов, рассмотренных в предыдущем подразделе.

Если так, эмоции играют центральную роль в формировании картины неравенства. Это происходит потому, что они связывают «внешние» — надындивидуальные механизмы признания, оценивания, уважения и престижа — с «внутренними» (но имеющими социальное происхождение и санкционирование) состояниями, такими как мотивация, интерес и самоуважение. И те и другие

32. Помимо корпуса работ по социологии культуры и познания, связанных с изучением эмоциональной составляющей социальных и когнитивных процессов, важнейший фронт в понимании проблемы образует совокупность подходов под знаком «4E», акцентирующих ключевые свойства познания, игнорируемые в рамках «традиционного когнитивизма» (заглавие образовано от соответствующих им терминов: «embodied», «embedded», «extended», «enacted») (Kurakin, 2020: 68–69, 75, 85–86; Newen, De Bruin, Gallagher, 2018).

конституируются при определяющем участии эмоций: признание чьего-то гения и пренебрежение, отвращение или жалость к «ничтожеству», а с другой стороны, самоуважение или самобичевание, одержимость работой или опустошенность и безразличие к ней — феномены, для описания которых не обойтись без определений, содержащих отсылку к эмоциям. Поэтому с точки зрения социологического познания именно эмоции являются необходимым связующим звеном для понимания давно известного явления — тесной связи между этими «внешними» и «внутренними» состояниями. Если некто не шизофреник, для искреннего самоуважения требуется социальная санкция, которая может принимать разные формы — сложные и простые, исходить из настоящего или из прошлого, из ближайшего или отдаленного окружения, принимать прямые и институционально-опосредованные формы и т. д.

Социальные и культурные антропологи давно выявили эту двойную — укорененную в согласном действии социальной санкции и внутреннего убеждения — конструкцию идентичности. Наиболее важный пример здесь — теория ритуального перехода, более ста лет назад предложенная Арнольдом ван Геннепом (Ван Геннеп, 1999) и позднее развитая Виктором Тернером (Тэрнер, 1983). Эта модель, описывающая изменение социального статуса человека, стала очень влиятельной далеко за пределами домена так называемых первобытных обществ, и многократно привлекалась для объяснения самых разнообразных явлений современной жизни, связанных с изменением идентичности и статуса. Неудивительно, поэтому, что ключевым теоретическим ресурсом с точки зрения понимания работы эмоций, оказывается дюркгеймовская теория коллективных эмоций, выстроенная именно на этнографическом материале и на которой во многом базировался Тернер.

Для понимания неравенства это имеет ключевое значение, поскольку позволяет на микроуровне объяснить общность между престижем привилегированного социального положения и успехами в учебе и построении карьеры, многократно подтвержденную на макроуровне, например, в форме первичных эффектов неравенства³³ и в классово-специфичных паттернах учебной вовлеченности (Kelly, 2008).

В своем исследовании учеников элитных московских школ Тамара Кусимова показала, что в этих школах вовлеченность в эксцентричные, выраженно-интеллектуальные и лишенные всякой прагматики формы действия является одним из основных поведенческих паттернов (Кусимова, 2018). Фактически иногда они выглядят как социально-одобряемая «интеллектуальная одержимость», скорее порицаемая более широкой публикой³⁴. В противоположность этому выпускники ос-

33. Первичные эффекты неравенства — практически универсальный феномен, характерный для всех известных образовательных систем (см., например, результаты сравнительного проекта eduLIFE). В России роль и масштаб этих эффектов показаны на данных лонгитюда «Траектории в образовании и профессии»; они велики и при переходе после 9-го класса, и по окончании общего среднего образования (Бессуднов, Малик, 2016; Косякова и др., 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019).

34. Один из информантов Тамары Кусимовой рассказывает: «Ты в какой-то момент тут во что-то влюбляешься — в литературу, в музыку, в историю. Ты в этом направлении, как крот, работаешь. Ты ходишь с книгой по Москве, и все на тебя смотрят как на дебила, но это хорошо» (Кусимова, 2018: 41).

новой школы, которые после 9-го класса пошли в СПО, рассуждают и действуют совсем по-другому. Например, в нашем лонгитюдном исследовании «Траектории в образовании и профессии» мы часто сталкивались с их попытками выбрать выгодную специальность, очень напоминаящими то, о чем на американских данных писала Сильва. Так, абитуриенты и молодые студенты колледжей иногда вычисляют, какие специализации подготовки номинально покрывают большее число профессий, считая, что такая калькуляция делает их образование более выгодным, по принципу: если одно и то же число потраченных лет и тысяч рублей ведет к приобретению большего числа профессий, то и выбрать следует его³⁵.

Контраст между этими двумя примерами задается тем, что в первом случае мы видим мощное эмоциональное инвестирование в предметы, связанные с познанием и учебой, которые, вероятно, смогут стать эмоциональными драйверами, хорошо конвертируемыми в построение успешной образовательной траектории. Тогда как во втором случае «рефлексивный подход» к образованию и карьере не опирается ни на какие эмоциональные драйверы.

И процессы социального оценивания, формирующие достоинство и социальное признание индивидов и социальных групп, и аллокация эмоциональных драйверов действия, формирующие их стратегии действия, в одних случаях ведущие к энтузиазму и успеху, а в других — к апатии и неудачам, имеют в своей основе эмоциональное измерение культуры. Ключевая перспективная задача поэтому состоит в том, чтобы разработать модели, описывающие культурные и эмоциональные процессы социального признания и формирования притягательности тех или иных способов действия и связывающие первое и второе между собой.

Социальные механизмы оценивания и формирования признания базируются на производстве и распределении коллективных эмоций — базовом социальном процессе, задействованном в самых разных явлениях социальной жизни. Они работают через серии социальных взаимодействий, как стандартизированных, так и спонтанных, подобных тем, что описаны Рэндаллом Коллинзом в его исследованиях ритуальных цепочек взаимодействия (Collins, 2004). Он, в частности, показал, как приватные и формальные взаимодействия между учеными, в ходе которых производится и перераспределяется «эмоциональная энергия», приводят к формированию идентичностей, и как эти идентичности — имеющие ключевое для их адекватного понимания эмоциональное измерение — определяют способности индивидов к действию и влияют на смысл этих действий (Коллинз, 2002; Куракин, 2018: 32–34).

В свою очередь, Ламон и её коллеги подробно изучили, как устроены взаимодействия, в которых формируется и укрепляется признание и непризнание, свя-

---

35. Респондент из субпанели качественных интервью «Меченый атом» лонгитюда ТрОП объясняет: «Там было много... множество специальностей, но есть дорожный механик, и есть просто автомеханик. Дорожный механик, как бы более расширено. И я в девятом классе советовался с дедушкой и с дядей. У меня дедушка раньше тоже занимался автоспортом, и он сказал: „Эта специальность более расширена. Поступай туда“. Ну я, послушав взрослых, поступил именно на дорожно-механическое».

занные с расовыми аспектами идентичности. Расизм столь действенен и устойчив во многом потому, что он воспроизводится в огромном количестве микровзаимодействий, включая те, в которых иногда не так-то просто разглядеть расовую или этническую подоплеку. Однако эти взаимодействия имеют типичные микросценарии с выраженным эмоциональным измерением, включающим как расово-дискриминирующее воздействие, так и типичные стратегии противодействия (Lamont et al., 2016). Пример таких взаимодействий — унижающие достоинство людей игнорирование в публичных местах, или подозрения в игнорировании, или упреждающие действия, направленные на эти подозрения, которые могут улаживаться или обостряться многими разными способами. Их изучение, как показали исследователи, многое говорит о микроструктурах неравенства в современных обществах.

Ричард Сеннетт уделил существенное внимание ритуалам неравенства и равенства, в том числе в исторической перспективе (Sennett, 2003). Эти ритуалы чрезвычайно многообразны; они существуют во всех обществах, но имеют разную структуру и могут быть как успешными, так и безуспешными с точки зрения эффекта закрепления равенства (или неравенства). То, что многие ритуалы и другие стандартизированные взаимодействия, связанные с неравенством, производят социальные связи, выяснили еще Марсель Мосс и Бронислав Малиновский (Годелье, 2007; Малиновский, 2004; Мосс, 1996а). Эти связи создает именно асимметрия между взаимодействующими, то есть неравенство конститутивно важно для социальной связности.

Как, однако, может быть социологически описан этот хрупкий баланс между коммуникацией, ведущей к разобщающему неравенству, и таким эмоционально насыщенным взаимодействием, где асимметрия престижа и статуса ведет к усилению социальных связей? Сеннетт дает виртуозный и впечатляющий ответ на этот вопрос, выстраивая модель ритуального взаимодействия на основе описания общения между музыкантами, исполняющими квинтет Брамса. Ритуалы, утверждает он, могут быть подобны совместному музицированию, где самое важное — наладить взаимность, которая непременно принимает выражения доминирования (ведения) и уступания, но при этом не ведет к отсутствию уважения, а наоборот: «Ритуалы в социальной жизни — это столь же сложные действия, связывающие людей воедино, с той лишь огромной разницей, что „социальный текст“ — это не нотная запись: он возникает через пробы и ошибки и так запечатлевается в памяти в форме традиции. <...> Взаимное не может значить равное ни в искусстве, ни в социальном ритуале, если под равным подразумевать распределенное поровну» (Sennett, 2003: 222). Эта музыкальная модель многое проясняет, но она едва ли масштабируема на разнообразные взаимодействия, связанные с неравенством. Процессы культурно эмоционального формирования идентичности и статуса и престижа многообразны и нуждаются в гораздо более подробном изучении. Однако это требует существенного развития теоретических ресурсов.

В своих предыдущих исследованиях я изучал потенциал дюркгеймианской теории коллективных эмоций, которая, с моей точки зрения, является наилучшим теоретическим ресурсом для решения этой задачи (Kurakin, 2010, 2014a, 2019b; Куракин, 2005, 2011б, 2018). Эта теория описывает, как в культуре конденсируются эмоции, порожденные формами социальной жизни, и как она поэтому способна энергизировать коллективное и индивидуальное действие. В частности, опираясь на эту теорию, я разработал модель «триггеров и нарративов», которая показывает, как в контексте культурных нарративов формируются эмоциональные аттракторы, управляющие восприятием (Kurakin, 2019a). Важной особенностью этой модели, благодаря которой она может оказаться хорошо применимой к проблематике неравенства, является то, что она выявляет широкий культурный контекст локального, как может показаться, действия. Таким образом, многократно описанные исследователями «ошибки» и «сбои» в стратегиях действия непривилегированных могут найти объяснения в широких культурных нарративах, придающих смысл классовым аспектам самопонимания общества.

В образовании связь между коллективными эмоциями, определяющими статус и престиж, и теми, что стоят за личной мотивацией и одухотворенностью, выражена очень сильно. Не потому ли многие современные университетские кампусы напоминают по своей архитектуре средневековые монастыри, представляя собой исключенные из окружающего ландшафта пространства? Отсылая к терминологии «сакральной социологии» и «общей экономики» Жоржа Батая, создание таких кампусов можно было бы назвать «тратой» (Батай, 2006), деянием, которому не так просто подобрать сугубо экономически-рациональное обоснование.

Эта исключительность и внеобыденность университета противостоит будничным городским пейзажам как сакральное пространство — профанному, создавая мощный эмоциональный заряд. Это хорошо соответствует глубоко укорененному нарративу о студенчестве, как лучших годах жизни: «времени грезы» в жизни человека³⁶. Согласно дюркгеймовской теории эмоций, подобно сакральным объектам и ритуалам «первобытных» обществ, интенсивные коллективные эмоции, сконденсированные в этих внеобыденных ландшафтах и царящих там особых традициях, способны создавать у вовлеченных в них участников особые состояния сознания, которые могут конвертироваться в интерес к науке, а могут и в студенческие вечеринки, не менее одиозные, чем сама студенческая жизнь (Armstrong, Hamilton, 2013).

Во «взрослой жизни» эмоции также являются ключевым измерением неравенства. Прежде всего это связано с феноменом признания. Новые культурсоциологи неравенства, как мы помним, утверждают, что *распределение* и *признание* — это два его базовых измерения (Lamont, 2017). И если механизмы неравенства, свя-

---

36. Любопытно, что для других таким внеобыденным временем, о котором вспоминают всю жизнь и которое часто задает основу идентичности, является служба в армии по призыву. Татуировки, наклейки на автомобили и шумные ритуалы праздников разных видов войск подтверждают это — как, впрочем, и данные некоторых опросов.

занные с распределением, во многом раскрыты экономистами и работающими под их влиянием социологами, то не менее важная сторона проблемы, связанная с признанием, требующая тщательного изучения культурных, когнитивных и эмоциональных механизмов, формирующих социальное санкционирование, а также связи признания с распределением, остается недостаточно изученной и поэтому представляет собой ключевой перспективный фронт исследований неравенства.

Распределение, достоинство и унижение: ускользящий баланс

Традиционная постановка вопроса в исследованиях неравенства ограничивается распределением. Это кажется самоочевидным: неравенство — это неравный доступ к тем или иным благам. Контринтуитивным образом, однако, признание — это более непосредственная и доступная наблюдению сторона неравенства, придающая ему — как я попытался показать в первом разделе этой статьи — его щемящий экзистенциальный смысл и социальные, и даже политические последствия. Поэтому неравенство — это гораздо больше, чем неравный доступ: это неравенство в достоинстве, фундаментальный социальный факт, состоящий в том, что одна социальная группа или отдельный индивид является более ценной, чем другая. Неравенство по-настоящему выходит на сцену и становится субъектом истории, именно когда оказывается, что ущемлено достоинство человека или целой социальной группы, и эта негативная социальная санкция в силу социальных и эмоциональных механизмов, описываемых в этом подразделе, переходит в плоть и кровь жизни людей, создавая в итоге тот самый онтологический разрыв в количестве и качестве жизни, который и придает истинную значимость неравенству.

Намного раньше социологов тесную связь между распределением и признанием осознали специалисты по социальной работе. Ричард Сеннетт, социолог, чья индивидуальная биография и история семьи тесно связана с социальной работой, посвятил этой проблеме уже упомянутую мною книгу «Respect in a World of Inequality» (Sennett, 2003). Разбирая практические проблемы американской социальной политики, их теоретическое осмысление и связанные с ним горячие дебаты, он показал, что одной из фундаментальных трудностей в социальной работе является вертикальная — то есть связанная с разницей в социальном признании и достоинстве — природа сочувствия, лежащего в основе действий социальных работников — как правило, людей, относящихся к среднему классу. Это сочувствие делает социальную поддержку унижительной, потому что лишает автономии объект этой поддержки. Зависимость, возникающая при этой «объективации» тех, кому адресована помощь, почти неминуемо вызывает унижение, потому что западные принципы меритократии, как показывает Сеннетт, делают зависимость одним из нескольких главных источников стыда и неуважения.

Некоторые участники дискуссий, описываемых Сеннеттом, считают, что сочувствие должно быть поэтому удалено из картины социальной политики. Сам

Сеннетт, похоже, склоняется к этой же позиции, в том числе опираясь на взгляды Ханны Арендт, которая считает, что в таких вопросах необходимо довериться «технике». Это прямоком выводит Сеннетта на идею безусловного базового дохода, которая обсуждается уже несколько веков, и накал этих обсуждений только растет. Сергей Гуриев, к примеру, выражает осторожный оптимизм в этом отношении, ссылаясь на результаты недавних экспериментов, которые позволяют надеяться, что введение безусловного базового дохода не приведет к социальному иждивенчеству и маргинализации широких социальных групп (Гуриев, 2018). Ростислав Капелюшников возражает, что эти эксперименты носят крайне ограниченный в своем масштабе характер, и потому отнюдь не ставят точку в дебатах, и в целом склоняется к противоположной точке зрения (Капелюшников, 2020). Я думаю, что исследования этого нововведения, обещающего в случае успеха привести к фундаментальным изменениям в экономике и социальной жизни, должны с необходимостью включать культуросоциологическую перспективу и охватывать проблемы достоинства, признания, уважения и конструкций культурно-когнитивных и эмоциональных драйверов разных социальных групп³⁷.

Наиболее важным общим выводом из этих рассуждений является то, что способы ведения жизни, характерные для разных социальных групп, образованы конфигурациями культурных паттернов и интегрированных с ними когнитивных процессов, но действенность этих комплексов, приводящая к успеху одни группы, а других влекущая в пучину ошибок и проблем, зависит от их встроенности в экономический и институциональный контекст. Классическим примером этой зависимости, который приводит и Сеннетт в своей книге, стала судьба коренного южноамериканского народа бороро, описанная Клодом Леви-Строссом в «Печальных тропиках» (Леви-Стросс, 2018). Бороро были процветающим и гордым племенем, с развитой космологической, знаниевой, пространственной и социальной структурой. Согласно Леви-Строссу, успех их формы жизни был связан с высокой когерентностью их культуры: как внутренней, так и внешней — выражающейся, например, в связи космологических явлений и их детальных интерпретаций — и далее находящих выражение в особенностях пространственного и социального устройства. Столкновение с европейскими колонизаторами нарушило эту когерентность и привело к быстрой деградации бороро — в отличие от многих других коренных народов, которые сумели «пересобрать» культуру из не столь ригидно, как у бороро, связанных элементов, выработав новые культурно-когнитивные конфигурации, в большей степени соответствующие изменившемуся институциональному ландшафту.

Это означает, что сугубо «распределительная» сторона неравенства утрачивает свою автономную роль и во все возрастающей степени начинает действовать в сочетании с конфигурациями культурных паттернов и когнитивных механизмов,

---

37. Это созвучно идее Ростислава Капелюшникова, что в целом «субъективной» стороне восприятия неравенства уделяется недостаточно внимания (Капелюшников, 2019). Анализ идеи безусловного базового дохода с позиций социальной теории см. в работе: Павлов, 2020.

которые мы рассмотрели в этой статье. Разрыв между стилями жизни, о которых говорит Гидденс, провозглашая приоритет «политики жизни» — это усиливаемая экономическими силами разница между культурно-когнитивными комплексами, хорошо совместимыми с институтами и экономикой, и теми, что не вписываются в них и ведут к ложным ориентирам и напрасной трате сил. Эти культурно-когнитивные комплексы можно уподобить нейромускульным связям, которые тонко отлажены у техничного спортсмена и позволяют ему совершать сложные комплексы точных движений, тогда как нетренированный человек на его месте совершает массу лишних движений и в итоге проигрывает неравную борьбу с гравитацией.

Заключительные замечания

Цель этой статьи — углубить понимание неравенства и его значимости за счет соединения перспектив, обычно разобщенных в силу дисциплинарного разделения труда. В качестве арены для этого синтеза выступает социология культуры и быстро набирающие силу инициативы, формирующие фронт новой культурсоциологии неравенства. Я надеюсь, что перспектива неравенства, ставящая во главу угла культурные и эмоциональные механизмы признания и достоинства людей и социальных групп и прослеживающая связь этих механизмов с когнитивными процессами, стоящими за стремлениями людей и социальной «энергетикой» их действий, будет полезна и экономистам, и социологам, работающим в парадигме рационального выбора, и когнитивным психологам, и исследователям социальной политики, и культурным историкам. Польза, на которую я рассчитываю, может состоять в том, чтобы ученые из разных частей обширного ландшафта исследований неравенства яснее видели цельную картину этого ландшафта и природу фундаментального феномена, какой представляет собой неравенство, и, ориентируясь на эту картину — и на исследования друг друга, — вместе продвигались к пониманию того, как разные части соединяются между собой и придают друг другу смысл.

Я выбрал в качестве отправной точки наиболее драматические эффекты неравенства — в попытке докопаться до его «нерва» и того, что на самом деле лежит в основе интереса к нему. Мы привыкли думать, что главная человеческая эмоция, стоящая за наукой и движущая ее вперед, это любопытство. Это удобная мысль: за особыми исключениями, любопытство этически, эстетически и политически нейтрально, и все дело начинает выглядеть так, будто наука — прямое продолжение антропологически-универсальных добродетелей человеческого рода. Однако это верно лишь до некоторой степени, и неравенство — как раз тот объект живого и вовлеченного интереса, чья притягательность не исчерпывается одним лишь любопытством: и для исследователей, и для социальных акторов, для которых оно является базовым фактом их жизни.

Один из самых влиятельных социологов нашего времени, Эндрю Эбботт, однажды задался вопросом об эмоциональных основаниях социальной науки. Для

удобства описания он обратился к известной классификации базовых эмоций, предложенной Полом Экманом. Перебрав эти эмоции одну за одной, Эбботт пришел к выводу, что для социологического интереса наиболее характерны две из них: грусть в форме ностальгии и гнев в форме «праведного возмущения». Ностальгия стоит за многими классическими работами, например, за теми, что противопоставляют традицию и модерн. Гнев и возмущение (outrage) — за центральным положением темы неравенства в социологии: «Возмущение — несомненно господствующая эмоция в дисциплине, на много десятилетий сделавшей неравенство своей наиболее важной темой» (Abbott, 2007: 93). Если мы теперь, следуя этому пронизательному наблюдению, перейдем от обобщения к конкретным истокам этого интереса в области истории идей, для этого едва ли найдутся лучшие кандидаты, чем учение Карла Маркса и его философско-теологические истоки.

Неравенство, отчуждение и грех

В наши дни, когда последовательное религиозное воспитание и образование получают немногие, трудно представить и сполна ощутить то великое отчаяние, какое христианский ум испытывает перед лицом греха, как первородного, так и вообще любого греха. В нем необратимое разлучение с тем, что могло и должно было бы стать самой нашей жизнью, пустота и отчаяние невосполнимой утраты. Его трудно ощутить сполна, но можно дедуцировать из всего универсума западной мысли, ведь интуиция греха пронизывает культуру и лежит в фундаменте основных институтов, таких как право, воспитание, образование и даже экономика. Экономические проблемы часто имеют этическую природу, например, как точно заметил А. Б. Гофман, «[з]наменитая теория прибавочной ценности (стоимости) Маркса, разработанная в политической экономии, в сущности, представляет собой не только и не столько экономическую, сколько этическую теорию» (Гофман, 2017: 2). Но в случае неравенства ключевую роль для всей последующей научной мысли имеет другая часть учения Маркса — теория отчуждения труда, ставшая именно тем «инородным» ядром всей его концепции, которая обеспечила ее философское бессмертие и ее реинкарнации в ипостаси неомарксизма в смежных дисциплинах, и в первую очередь, в социологии.

Когда Маркс пишет об отчуждении, он в точности следует именно этой интуиции греха. Как подчеркивает Эрих Фромм, «в атеистическом словаре понятие „отчуждение“ эквивалентно слову „грех“ на языке деистов: отказ человека от себя самого, от Бога в себе самом» (Фромм, 1992: 396). Трагедия отчуждения намного превосходит очевидную мысль (хотя она озвучивается не так часто, как стоило бы), что несправедливо, когда одни присваивают результаты труда других. Подлинный, онтологический смысл эксплуатации в том, что эта несправедливость отчуждает человека от собственной природы, или, выражая эту мысль в терминах, близких к исходным терминам Гегеля, производит отчуждение существования человека от его родовой сущности. Иными словами, неравенство искажает и кале-

чит, превращает человека в жалкое подобие того, для чего он рожден. Именно этот квазирелигиозный пафос сделал идею отчуждения столь сильной и влиятельной.

Даже если не следовать за Марксом во всех его выводах, трудно не увидеть, насколько важны его рассуждения для понимания природы неравенства. Если бы речь шла только о том, что кто-то ездит на лучшей машине, чем другой, или даже о том, что так случилось благодаря несправедливому распределению благ, неравенство превратилось бы в частную и процессуальную проблему практического регулирования. Однако, как и первородный грех, неравенство — это фундаментальный изъян, делающий невозможным гармоничное и счастливое существование людей, изъян в полной мере неустранимый, или устранимый ценой потери всего экономического и социального устройства.

Старая марксистская идея отчуждения, за которой социология никогда не может последовать во всей её полноте, тем не менее в истории социологии иногда оказывается путеводной. В случае современных исследований неравенства она, путем сложных теоретических преобразований, выводит на сцену культуру, потому что именно культура оказывается тем недостающим измерением проблемы, которое возвращает в рассмотрение драматические эффекты неравенства, превращающие его в фундаментальный факт социальной жизни. Это делает социологию культуры наиболее подходящей для междисциплинарного синтеза.

Выстроенная таким образом перспектива позволяет увидеть, как неравенство влияет на качество и ценность жизни, и даже на ее «количество»; на социальную мобильность и способность людей управлять своей жизнью и менять ее к лучшему; на связность общества, возможности и препятствия для формирования единой, открытой для всех культурной среды, включая действенный моральный и когнитивный консенсус и возможности для элементарной эмпатии; на формирование идентичности, достоинства и признания и на то, как они связаны со стратегиями действия и их успешностью. Неравенство калечит и расчеловечивает не столько из-за бедности и лишений, сколько из-за глубоко амбивалентного, внутренне противоречивого и отрицающего самое себя положения людей. Эта амбивалентность и влекомые ею глубоко расщепленные социальные основания жизни человека не позволяют ему выстроить позитивную и внутренне непротиворечивую идентичность и самопонимание, не несущие в себе мучительных конфликтов, стыда и имманентного унижения, затрудняет следование ясным моральным и эстетическим канонам и попросту закрывает людям дорогу к тому, что Аристотель называл прекрасной жизнью, а Агамбен жизнью, достойной быть прожитой.

Литература

Агамбен Дж. (2011). *Номо Сасер: суверенная власть и голая жизнь* / Пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова под ред. Д. Новикова. М.: Европа.

- Александр Дж., Смит Ф.* (2010). Сильная программа в культурсоциологии: элементы структурной герменевтики / Пер. с англ. С. Джакуповой под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 11–30.
- Арендт Х.* (2017). *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Батай Ж.* (2006). Проклятая часть: опыт общей экономики // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Пер. с франц. А. В. Соловьева. М.: Ладомир. С. 109–236.
- Бауман З.* (2019). Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой под науч. ред. О. А. Оберемко. Москва: ВЦИОМ.
- Бек У.* (1994). От индустриального общества к обществу риска / Пер. с англ. А. Д. Ковалева // THESIS. № 5. С. 161–168.
- Бессуднов А., Куракин Д., Малик В.* (2017). Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. № 3. С. 83–109.
- Бессуднов А., Малик В.* (2016). Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. № 1. С. 135–167.
- Богданова Е.* (2018). Рецензия: Michèle Lamont, Graziella Moraes Silva, Jessica S. Wellburn, Joshua Guetzkow, Nissim Mizrachi, Hanna Herzog, Elisa Reis. *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*. Princeton, NJ: Princeton University Press // *Laboratorium*. Т. 10. № 3. С. 119–121.
- Бурдые П., Пассрон Ж.-К.* (2007). Производство: элементы теории системы образования / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Просвещение.
- Ван Геннеп А.* (1999). Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. Ю. В. Ивановой и Л. В. Покровской. М.: Восточная литература.
- Вахштайн В. С.* (2011). Пост-постсоветская социология: конец первого акта // Социология: теория, методы, маркетинг. № 2. С. 59–77.
- Ветлесен А. Ю.* (2010). Философия боли / Пер. с норв. Е. Воробьевой. М.: Прогресс-Традиция.
- Годелье М.* (2007). Загадка дара / Пер. с франц. А. Б. Щербаковой. М.: Восточная литература.
- Гофман А. Б.* (2011). Социальная антропология Марселя Мосса // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: КДУ. С. 7–54.
- Гофман А. Б.* (2017). Справедливость как социологическая идея: от классики к современности // *Личность. Культура. Общество*. Т. XIX. № 1–2. С. 65–79.
- Гофман А. Б.* (2018). О традиционности, идентичности и легитимности: социологические аспекты взаимосвязи // *Горшков М. К.* (ред.). Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. М.: Новый Хронограф. С. 34–54.
- Грамши А.* (1991). Тюремные тетради. Ч. 1 / Пер. с ит. Г. П. Смирнова, В. А. Дмитренко, П. А. Козлова, Е. Г. Молочковской, А. К. Ор под общ. ред. М. Н. Грецкого и Л. А. Никитич. М.: Политиздат.

- Гудков Л. Д. (2011). Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН.
- Гуриев С. (2018). Эффективное неравенство // Атомный Эксперт. URL: <http://atomicexpert.com/page4214982.html> (дата доступа: 20.09.2020).
- Гуриев С. (2020). Неравенство справедливое и несправедливое // ЭКОНС: Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/neravenstvo-spravedlivoie-i-nespravedlivoie/> (дата доступа: 20.09.2020).
- Давыдов Ю. Н. (2002). Исторический горизонт теоретической социологии // Давыдов Ю. Н. (ред.). История теоретической социологии. Т. 1. М.: Канон+. С. 7–27.
- Давыдов Ю. Н. (2008). Труд и свобода // Давыдов Ю. Н. Труд и искусство: избранные сочинения. М.: Астрель. С. 25–122.
- Дуглас М. (2000). Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В. Земсковой под науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы.
- Жирав Р. (2000). Насилие и священное / Пер. с франц. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение.
- Заславская Т. И. (2003). Социетальная трансформация российского общества. 2-е изд. М.: МВШСЭН.
- Зенкин С. Н. (2008). Свое, чужое и ничье (к проблеме памяти у Дж. Р. Р. Толкиена и Х. Л. Борхеса) // Отечественные Записки. Т. 43. № 4. С. 26–37.
- Илле М. Е., Соколов М. М. (2018). Статусная культура во времена экономической трансформации: потребление высокой культуры в Петербурге, 1991–2011 // Мир России. Социология. Этнология. Т. 27. № 1. С. 159–182.
- Кайуа Р. (2003). Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: ОГИ.
- Калинин Р. Г., Девятко И. Ф. (2019). Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости // Мониторинг общественного мнения. № 2. С. 95–114.
- Канеман Д. (2020). Думай медленно, решай быстро / Пер. с англ. А. Андреева, Н. Парфеновой, Ю. Деглиной. М.: АСТ.
- Капелюшников Р. И. (2019). Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. № 4. С. 91–106.
- Капелюшников Р. И. (2020). Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? Препринт WP3/2020/04. М.: НИУ ВШЭ.
- Кларк Г. (2018). Отцы и дети: фамилии и история социальной мобильности / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Коллинз Р. (2002). Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф.

- Константиновский Д. Л.* (2008). Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М.* (2006). Доступность качественного среднего образования в России: возможности и ограничения. М.: Логос.
- Кордонский С. Г.* (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение.
- Косякова Ю., Куракин Д.* (2016). Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5. С. 127–145.
- Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д.* (2016). Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5. С. 76–97.
- Кузьминов Я. И., Набиуллина Э. С., Радаев В. В., Субботина Т. П.* (1989). Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика.
- Куракин Д.* (2005). Символические классификации и «железная клетка»: две перспективы теоретической социологии // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 63–81.
- Куракин Д.* (2011а). Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. С. 56–74.
- Куракин Д.* (2011б). Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 41–70.
- Куракин Д.* (2018). Предисловие к русскому переводу «Элементарных форм религиозной жизни» // Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тематическая система в Австралии / Пер. с франц. В. Земсковой под науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы. С. 15–48.
- Кусимов Т. Б.* (2018). Класс и статус: школьная среда как место воспроизводства различий (на примере селективной школы г. Москвы). Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ.
- Леви-Стросс К.* (2018). Печальные тропики / Пер. с франц. В. Елисеевой и М. Щукина. М.: АСТ.
- Малиновский Б.* (2004). Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН.
- Маркс К.* (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат. С. 41–174.
- Маркс К., Энгельс Ф.* (1955). Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Политиздат.

- Мосс М. (1996а). Очерк о даре: форма и основание обмена в архаических сообществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература. С. 83–222.
- Мосс М. (1996б). Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература. С. 242–250.
- Мосс М. (1996в). Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература. С. 223–241.
- Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 170–186.
- Павлов А. (2020). Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 198–224.
- Пикетти Т. (2015). К политической и исторической экономии: размышления о капитале в XXI веке / Пер. с франц. О. А. Кудри под ред. А. Ю. Володина // Экономическая история. № 4. С. 7–19.
- Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А. (2017). Смертность по уровню образования в России // Экономический журнал ВШЭ. № 4. С. 623–647.
- Радаев В. В. (2002). Основные направления развития современной экономической социологии // Радаев В. В. (ред.). Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН. С. 3–18.
- Рогозин Д. М. (2017). Столько не живут: миниатюры о столетних // Человек. № 2. С. 55–68.
- Рогозин Д. М. (2018). Что делать со стареющим телом? // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 2. С. 133–64.
- Рогозин Д. М. (2019). Старость в сельской России // Пугачева М. Г. (ред.). Пути России: границы политики: Сборник статей XXV Международного симпозиума. М.: Дело. С. 273–288.
- Рощина Я. М. (2016). Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. Т. 17. № 3. С. 13–36.
- Руссо Ж.-Ж. (2011). О причинах неравенства. М.: Нобель Пресс.
- Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. (1970). Социальные перемещения. М.: Мысль.
- Самутина Н. В. (ред.). (2006). Фантастическое кино: эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение.
- Тэрнер В. (1983). Символ и ритуал. М.: Наука.
- Федорова К., Маслов Б, Хархордин О. (ред.). (2019). Жить с достоинством. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб.

- Филиппов А. Ф. (2006а). Восстание картезианцев: к социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Самутина Н. В. (ред.). Фантастическое кино: эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение. С. 124–152.
- Филиппов А. Ф. (2006б). Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос 1991–2005. Избранное. Т. 1. М.: Территория будущего. С. 318–367.
- Филиппов А. Ф. (2013). Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. № 5. С. 48–63.
- Филиппов А. Ф. (2019). В ожидании чуда: социология репликантов как политическая теология («Бегущий по лезвию 2049») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3. С. 69–101.
- Фромм Э. (1992). Концепция человека у К. Маркса / Пер. с англ. Э. М. Телятниковой // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. С. 375–414.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2018). Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 66–89.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2019). Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 4. С. 539–54.
- Харькова Т. Л., Никитина С. Ю., Андреев Е. М. (2017). Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. № 8. С. 61–69.
- Чиркина Т. А. (2018). Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 109–125.
- Шариков Д. Д. (2019). Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 3. С. 179–210.
- Шелер М. (1999). Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. Москва: Наука.
- Шкаратан О. И. (1970). Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: историко-социологическое исследование. М.: Мысль.
- Шубкин В. Н. (1970). Социологические опыты. М.: Мысль.
- Abbott A. (2007). Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology // Sociological Theory. Vol. 25. № 1. P. 67–99.
- Abrutyn S., Lizardo O. (2020). Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self. URL: <https://osf.io/pkh7c/> (дата доступа: 20.09.2020).
- Alexander J. C. (1995). Fin de Siècle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. L.: Verso.
- Alexander J. C., Kivisto P., Sciortino J. (eds.). (2021). Populism in the Civil Sphere. Cambridge: Polity. (Forthcoming)

- Alexander J. C., Smith Ph.* (2003). The Strong Program in Cultural Sociology: Elements of a Structural Hermeneutics // *Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. N.Y.: Oxford University Press. P. 11–26.
- Armstrong E. A., Hamilton L. T.* (2013). *Paying for the Party: How College Maintains Inequality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bessudnov A., McKee M., Stuckler D.* (2011). Inequalities in Male Mortality by Occupational Class, Perceived Status and Education in Russia, 1994–2006 // *European Journal of Public Health*. Vol. 22. № 3. P. 332–337.
- Blossfeld H-P., Shavit Y.* (eds.). (1993). *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*. Boulder: Westview Press.
- Boudon R.* (1974). *Education, Opportunity, and Social Inequality*. N.Y.: Wiley.
- Bourdieu P.* (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* / Tr. by R. Nice. Cambridge: Harvard University Press.
- Breen R., Goldthorpe J. H.* (1997). Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory // *Rationality and Society*. Vol. 9. № 3. P. 275–305.
- Chernysh M., Nikula J.* (eds.). (2020). *Social Distinctions in Contemporary Russia: Waiting for the Middle-Class Society? L.: Routledge.*
- Collins R.* (2004). *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press.
- Damasio A. R.* (1994). *Descartes' Error: Emotion, Rationality and the Human Brain*. N.Y.: Putnam.
- Demintseva E.* (2020). No Title «Migrant Schools» and the «Children of Migrants»: Constructing Boundaries around and inside School Space // *Race Ethnicity and Education*. Vol. 23. № 4. P. 598–612.
- Foley D. E.* (1997). Deficit Thinking Models Based on Culture: The Anthropological Protest // *Valencia R. R.* (ed.). *The Evolution of Deficit Thinking. Educational Thought and Practice*. L.: The Falmer Press. P. 113–131.
- Fordham S., Ogbu J. U.* (1986). Black Students' School Success: Coping with the «Burden of „Acting White“» // *The Urban Review*. Vol. 18. P. 176–206.
- Furlong A., Cartmel F.* (2007). *Young People and Social Change: New Perspectives*. L.: Open University Press.
- Gajdosikienė I.* (2004). Oscar Lewis' Culture of Poverty : Critique and Further Development // *Sociologija*. № 1. P. 88–96.
- Gerber Th. P.* (1998). More Shock than Therapy: Market Transition, Employment, and Income in Russia, 1991–1995. *American Journal of Sociology*. Vol. 104. № 1. P. 1–50.
- Gerber Th. P.* (2002). Structural Change and Post-Socialist Stratification: Labor Market Transitions in Contemporary Russia // *American Sociological Review*. Vol. 67. № 5. P. 629–659.
- Gerber Th. P.* (2003). Loosening Links? School-to-Work Transitions and Institutional Change in Russia since 1970 // *Social Forces*. Vol. 82. № 1. P. 241–276.
- Gerber Th. P.* (2004). Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. Vol. 69. № 5. P. 677–703.

- Giddens A.* (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Gimpelson V. E., Treisman D.* (2018). Misperceiving Inequality // *Economics and Politics*. Vol. 30. № 1. P. 27–54.
- Gray J. R.* (2001). Emotional Modulation of Cognitive Control: Approach-Withdrawal States Double-Dissociate Spatial from Verbal Two-Back Task Performance // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 130. № 3. P. 436–452.
- Guriev S.* (2018). Fairness and Support for the Reforms: Lessons from the Transition Economies // *SUERF Policy Note*. № 24. URL: <https://www.suerf.org/policynotes/1993/fairness-and-support-for-the-reforms-lessons-from-the-transition-economies> (дата доступа: 20.09.2020).
- Guriev S.* (2020). Labor Market Performance and the Rise of Populism // *IZA World of Labor*. № 479. URL: <https://wol.iza.org/articles/labor-market-performance-and-the-rise-of-populism/long> (дата доступа: 20.09.2020).
- Guriev S., Papaioannou E.* (2020). The Political Economy of Populism. URL: <https://ssrn.com/abstract=3542052> (дата доступа: 20.09.2020).
- Haidt J.* (2001). The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgement // *Psychological Review*. Vol. 108. № 4. P. 814–834.
- Harlé K. M., Shenoy Pr., Paulus M. P.* (2013). The Influence of Emotions on Cognitive Control: Feelings and Beliefs — Where Do They Meet? // *Frontiers in Human Neuroscience*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2013.00508/full> (дата доступа: 20.09.2020).
- Harrington M.* (1962). *The Other America: Poverty in the United States*. N.Y.: Macmillan.
- Harvey D. L., Reed M. H.* (1996). The Culture of Poverty: An Ideological Analysis // *Sociological Perspectives*. Vol. 39. № 4. P. 465–495.
- Holub R.* (1992). *Antonio Gramsci: Beyond Marxism and Postmodernism*. L.: Routledge.
- Ignatow G.* (2007). Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 2. P. 115–135.
- Ignatow G.* (2010). Morality and Mind-Body Connections. // *Hiltin S., Vaisey S.* (eds.). *Handbook of the Sociology of Morality*. N.Y.: Springer. P. 411–424.
- Ignatow G.* (2012). Mauss's Lectures to Psychologists: A Case for Holistic Sociology // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 12. № 1. P. 3–21.
- Illouz E.* (2008). *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press.
- Ivaniushina V. A., Alexandrov D. A.* (2018). Anti-School Attitudes, School Culture and Friendship Networks // *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 39. № 5. P. 698–716.
- Jackson M.* (2020). *Manifesto for a Dream: Inequality, Constraint, and Radical Reform*. Redwood City: Stanford University Press.

- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J. H., Yaish M.* (2007). Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales // *Acta Sociologica*. Vol. 50. № 3. P. 211–229.
- Jackson M., Khavenson T., Chirkina T.* (2020). Raising the Stakes: Inequality and Testing in the Russian Education System // *Social Forces*. Vol. 98. № 4. P. 1613–1635.
- Kelly S.* (2008). Race, Social Class, and Student Engagement in Middle School English Classrooms // *Social Science Research*. Vol. 37. № 2. P. 434–448.
- Kivinen M.* (2006). Classes in the Making? The Russian Social Structure in Transition // *Therborn G.* (ed.). *Inequalities of the World*. L.: Verso. P. 247–294.
- Kosyakova Y., Kurakin D.* (2015). Do Institutions Matter? Occupational Gender Segregation at Labor Market Entry in Soviet and Post-Soviet Russia // *Blossfeld H.-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S.* (eds.). *Gender, Education and Employment: An International Comparison of School-to-Work Transitions*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 304–324.
- Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P.* (2015). Horizontal and Vertical Gender Segregation in Russia—Changes upon Labour Market Entry before and after the Collapse of the Soviet Regime // *European Sociological Review*. Vol. 31. № 5. P. 573–590.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D.* (2016). The Reproduction of Social Inequality within the Russian Educational System // *Blossfeld H.-P., Buchholz S., Skopek J., Triventi M.* (eds.). *Models of Secondary Education and Social Inequality: An International Comparison*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 323–342.
- Kovas Yu., Haworth C. M. A., Dale Ph. S., Plomin R., Weinberg R. A., Thomson J. M., Fischer K. W.* (2007). *The Genetic and Environmental Origins of Learning Abilities and Disabilities in the Early School Years*. Oxford: Blackwell.
- Kurakin D.* (2010). Literature as a Meaningful Life Laboratory // *Integrative Psychological & Behavioral Science*. Vol. 44. № 3. P. 227–234.
- Kurakin D.* (2014a). *How Root Metaphors Structure Meaningful Life by Means of Emotions: Theory and Empirical Illustration from the Sphere of Academic Ethics*. CCS Working Paper 2014-08. New Haven: Yale University.
- Kurakin D.* (2014b). *Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework*. Working Paper WP 01/IE/2014. M.: HSE.
- Kurakin D.* (2019a). The Cultural Mechanics of Mystery: Structures of Emotional Attraction in Competing Interpretations of the Dyatlov Pass Tragedy // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 7. № 1. P. 101–127.
- Kurakin D.* (2019b). The Sacred, Profane, Pure, Impure, and Social Energization of Culture // *Brekhus W. H., Ignatow G.* (eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology*. N.Y.: Oxford University Press. P. 485–506.
- Kurakin D.* (2020). Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 63–89.

- Kuzminov Y. I., Sorokin P. S., Froumin I.* (2020). How Can Education Contribute to Socioeconomic Development? Rethinking Human Capital for the Labour Market of the Future // *Bologna Process beyond 2020: Fundamental Values of the EHEA*. Bologna: Bologna University Press. P. 1–6.
- Lamont M.* (1992). *Money, Morals and Manners*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lamont M.* (2000). *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lamont M.* (2017). *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion, and Academic Evaluation*. Erasmus Prize Essay. Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M., Beljean St., Clair M.* (2014). What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality // *Socio-Economic Review*. Vol. 12. № 3. P. 573–608.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrachi N., Herzog H., Reis E.* (2016). *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*. Princeton: Princeton University Press.
- Lamont M., Small M. L., Harding D. J.* (2010). Introduction: Reconsidering Culture and Poverty // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 629. № 1. P. 6–27.
- Lareau A.* (2011). *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley: University of California Press.
- Levine L. J., Burgess St. L.* (1997). Beyond General Arousal: Effects of Specific Emotions on Memory // *Social Cognition*. Vol. 15. № 3. P. 157–181.
- Lewis O.* (1959). *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. N.Y.: Basic Books.
- Lewis O.* (1966). *La Vida: A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty — San Juan and New York*. N.Y.: Random House.
- Lichand G., Mani A.* (2020). *Cognitive Droughts*. University of Zurich, Department of Economics, Working Paper № 341. URL: <https://ssrn.com/abstract=3540148> (дата доступа: 20.09.2020).
- Lizardo O.* (2014). Beyond the Comtean Schema: The Sociology of Culture and Cognition versus Cognitive Social Science // *Sociological Forum*. Vol. 29. № 4. P. 983–989.
- Lizardo O.* (2017). Improving Cultural Analysis: Considering Personal Culture in Its Declarative and Nondeclarative Modes // *American Sociological Review*. Vol. 82. № 1. P. 88–115.
- Lizardo O., Sepulvado B., Stoltz D. S., Taylor M. A.* (2020). What Can Cognitive Neuroscience Do for Cultural Sociology? // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 3–28.
- Lucas S. R.* (2009). Stratification Theory, Socioeconomic Background, and Educational Attainment: A Formal Analysis // *Rationality and Society*. Vol. 21. № 4. P. 459–511.
- Malik V.* (2019). The Russian Panel Study «Trajectories in Education and Careers» // *Longitudinal and Life Course Studies*. Vol. 10. № 1. P. 125–144.
- Mareeva S.* (2020). Socio-Economic Inequalities in Modern Russia and Their Perception by the Population // *Journal of Chinese Sociology*. Vol. 7. Art. 10.

- Martin J. L.* (2010). Life's a Beach but You're an Ant, and Other Unwelcome News for the Sociology of Culture // *Poetics*. Vol. 38. № 2. P. 228–243.
- Marzi T., Regina A., Righi S.* (2014). Emotions Shape Memory Suppression in Trait Anxiety // *Frontiers in Psychology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2013.01001/full> (дата доступа: 20.09.2020).
- Massey D. S.* (2007). *Categorically Unequal: The American Stratification System*. N.Y.: Russell Sage Foundation.
- Mast J. L.* (2020). Representationalism and Cognitive Culturalism: Riders on Elephants on Turtles All the Way down // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 90–123.
- Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E.* (2020). Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine // *International Studies in Sociology of Education*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09620214.2020.1728362> (дата доступа: 20.09.2020).
- Moynihhan D. P.* (1965). *The Negro Family: The Case for National Action*. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Mullainathan S., Shafir E.* (2013). Decision Making and Policy in Context of Poverty // *Shafir E.* (ed.). *The Behavioral Foundations of Public Policy*. Princeton: Princeton University Press. P. 281–297.
- Newen A., De Bruin L., Gallagher S.* (eds.). (2018). *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press.
- Piketty Th.* (2014). *Capital in the Twenty-First Century* / Tr. by A. Goldhammer. Cambridge: Harvard University Press.
- Polanyi M.* (1968). Life's Irreducible Structure // *Science, New Series*. Vol. 160. № 3834. P. 1308–1312.
- Prakhov I., Yudkevich M.* (2019). University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams? // *International Journal of Educational Development*. Vol. 65. P. 98–105.
- Raftery A. E., Hout M.* (1993). Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75 // *Sociology of Education*. Vol. 66. № 1. P. 41–62.
- Ridgeway C. L.* (2011). *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. Oxford: Oxford University Press.
- Rudakov V., Roshchin S.* (2019). The Impact of Student Academic Achievement on Graduate Salaries: The Case of a Leading Russian University // *Journal of Education and Work*. Vol. 32. № 2. P. 156–180.
- Sennett R.* (2003). *Respect in a World of Inequality*. N.Y.: W. W. Norton & Co.
- Sennett R., Cobb J.* (1993). *The Hidden Injuries of Class*. N.Y.: W. W. Norton & Co.
- Sharikov D. D.* (2020). Culture and Cognition: In Search of a Non-Reductionist Framework // *Sociology of Power*. Vol. 32. № 2. P. 104–124.
- Shorrocks A., Davies J., Lluberias R.* (2019). *Global Wealth Report 2019*. Zurich: Credit Suisse Research Institute.

- Silva J. M.* (2013). *Coming Up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty*. N.Y.: Oxford University Press.
- Smith S. S.* (2007). *Lone Pursuit: Distrust and Defensive Individualism among the Black Poor*. N.Y.: Russel Sage Foundation.
- Streib J.* (2017). The Unbalanced Theoretical Toolkit: Problems and Partial Solutions to Studying Culture and Reproduction but Not Culture and Mobility // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 5. № 1–2. P. 127–153.
- Swidler A.* (1986). Culture in Action: Symbols and Strategies // *American Journal of Sociology*. Vol. 51. № 2. P. 273–286.
- Therborn G.* (2006). Meaning, Mechanisms, Patterns, and Forces: An Introduction // *Therborn G.* (ed.). *Inequalities of the World*. L.: Verso. P. 1–59.
- Timonin S., Danilova I., Andreev E. M., Shkolnikov V.* (2017). Recent Mortality Improvement in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? // *European Journal of Population*. Vol. 33. № 5. P. 733–763.
- Timonin S., Jasilionis D., Shkolnikov V., Andreev E. M.* (2020). New Perspective on Geographical Mortality Divide in Russia: A District-Level Cross-Sectional Analysis, 2008–2012 // *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 74. № 2. P. 144–150.
- Vaisey St.* (2009). Motivation and Justification: A Dual-Process Model of Culture in Action // *American Journal of Sociology*. Vol. 114. № 6. P. 1675–1715.
- Varlamova M., Sinyavskaya O.* (2020). Active Ageing Index in Russia: Identifying Determinants for Inequality // *Journal of Population Ageing*. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12062-020-09277-4> (дата доступа: 20.09.2020).
- Walker Ch.* (2007). Navigating a «Zombie» System: Youth Transitions from Vocational Education in Post-Soviet Russia // *International Journal of Lifelong Education*. Vol. 26. № 5. P. 513–531.
- Walker Ch.* (2009). From «Inheritance» to Individualization: Disembedding Working-Class Youth Transitions in Post-Soviet Russia // *Journal of Youth Studies*. Vol. 12. № 5. P. 531–545.
- Walker Ch.* (2010). *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. L.: Routledge.
- Wilkinson R., Pickett K.* (2011). *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. L.: Allen Lane.
- Willis P. E.* (1977). *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. Westmead: Saxon House.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D.* (2018). Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // *Sociology of Education*. Vol. 91. № 3. P. 224–241
- Zarefsky D.* (1986). *President Johnson's War on Poverty: Rhetoric and History*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Zigler E., Valentine J.* (eds.). (1979). *Project Head Start: A Legacy of the War on Poverty*. N.Y.: The Free Press.

Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”

Dmitry Kurakin

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow of the Centre for Fundamental Sociology, Director of the Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: dmitry.kurakin@hse.ru

Inequality is amongst the most fundamental and formidable social problems of modernity. It thus does not come as a surprise that it is a major theme that cuts through multiple areas of sociology. However, the major limitation of most social research on inequality is that its focus is often limited to the redistribution of resources, be them material or symbolic. Indeed, some of the most important effects of inequality, ones that make inequality so crucial to studies of modernity, go far beyond unfair access to certain goods. These reveal themselves in elements of social disintegration, lack of social cohesion, multidimensional social exclusion, marginalization of large social groups and gaps between their basic frames of references, which can reach the level of mutual impenetrability. To achieve an integrated perspective, this study follows the lead of quickly developing frontier approaches in the cultural sociology of inequality, and, following its leaders’ appeals, focuses on another dimension of inequality that is complementary to distribution — a social recognition of personal and social group identities. This allows us to assess how economic forces associated with inequality interact with cultural patterns and cognitive processes which persist in the behaviors of both individuals and social groups. Following this line of inquiry, this study focuses on cultural and emotional mechanisms of recognition and how it shapes people’s identity and dignity, and tries to tie these mechanisms to cognitive processes, which shape people’s aspirations and can “ignite” their actions. This study is ultimately intended as a kind of “manifesto” for the sociology of culture and inequality, and thus includes calls for wider intra- and inter-disciplinary input and collaboration in these areas.

Keywords: inequality, culture, emotions, cognition, recognition, dignity, identity, sociology of culture, economics, emergentism, boundary conditions, alienation

References

- Abbott A. (2007) Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology. *Sociological Theory*, vol. 25, no 1, pp. 67–99.
- Abrutyn S., Lizardo O. (2020) Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self. Available at: <https://osf.io/pkh7c/> (accessed 20 September 2020).
- Agamben G. (2011) *Homo Sacer: suverennaja vlast’ i golaja zhizn’* [Homo Sacer: Sovereign Power and the Naked Life], Moscow: Europa.
- Alexander J. C. (1995) *Fin de Siècle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason*, London: Verso.
- Alexander J. C., Kivisto P., Sciortino J. (eds.) (2021) *Populism in the Civil Sphere*, Cambridge: Polity. (Forthcoming)
- Alexander J. C., Smith F. (2010) Sil’naja programma v kul’tursociologii: jelementy strukturnoj hermenevtiki [The Strong Program in Cultural Sociology: Elements of a Structural Hermeneutics]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 11–30.
- Alexander J. C., Smith Ph. (2003) The Strong Program in Cultural Sociology: Elements of a Structural Hermeneutics. Alexander J. C., *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*, New York: Oxford University Press, pp. 11–26.
- Arendt H. (2017) *Vita Activa, ili O dejatel’noj zhizni* [The Human Condition], Moscow: Ad Marginem Press.
- Armstrong E. A., Hamilton L. T. (2013) *Paying for the Party: How College Maintains Inequality*, Cambridge: Harvard University Press.

- Bataille G. (2006) Prokljataja chast': opyt obshhej jekonomiki [The Accursed Share: An Essay on General Economy]. *Prokljataja chast': sakral'naja sociologija* [The Accursed Share: Sacred Sociology], Moscow: Ladomir, pp. 109–236.
- Bauman Z. (2019) *Retrotopija* [Retrotopia], Moscow: VCIOM.
- Beck U. (1994) Ot industrial'nogo obshhestva k obshhestvu riska [From Industrial Society to the Risk Society]. *THESIS*, no 5, pp. 161–168.
- Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017) Kak vznik i chto skryvaet mif o vseobshhem vysshem obrazovanii [The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context]. *Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 83–109.
- Bessudnov A., Malik V. (2016) Social'no-jekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noj traektorii posle okonchanija 9-go klassa srednej shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 135–167.
- Bessudnov A., McKee M., Stuckler D. (2011) Inequalities in Male Mortality by Occupational Class, Perceived Status and Education in Russia, 1994–2006. *European Journal of Public Health*, vol. 22, no 3, pp. 332–337.
- Blossfeld H-P., Shavit Y. (eds.) (1993) *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*, Boulder: Westview Press.
- Bogdanova E. (2018) Recenzija [Review]: Michèle Lamont, Graziella Moraes Silva, Jessica S. Wellburn, Joshua Guetzkow, Nissim Mizrachi, Hanna Herzog, Elisa Reis. Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel. Princeton, NJ: Princeton Univer. *Laboratorium*, vol. 10, no 3, pp. 119–121.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality*, New York: Wiley.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge: Harvard University Press.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovanija* [Reproduction in Education, Society and Culture], Moscow: Prosveshhenie.
- Breen R., Goldthorpe J. H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3. P. 275–305.
- Caillois R. (2003) *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred], Moscow: OGI.
- Chernysh M., Nikula J. (eds.) (2020) *Social Distinctions in Contemporary Russia: Waiting for the Middle-Class Society?*, London: Routledge.
- Chirkina T. (2018) Social'no-jekonomicheskoe polozhenie i vybor obrazovatel'noj traektorii uchashhimisja: teoreticheskie podhody k izucheniju vzaimosvjazi [Review of Theoretical Approaches to the Study of the Relationship between Students' Socio-Economic Status and Educational Choice]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 109–125.
- Clark G. (2018) *Otcy i deti: familii i istorija social'noj mobil'nosti* [The Son Also Rises: Surnames and the History of Social Mobility], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Collins R. (2002) *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change], Novosibirsk: Sibirsky Khronograf.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- Damasio A. R. (1994) *Descartes' Error: Emotion, Rationality and the Human Brain*, New York: Putnam.
- Davydov Y. (2002) Istoricheskij gorizont teoreticheskoy sociologii [The Historical Horizon of Theoretical Sociology]. *Istorija teoreticheskoy sociologii. T. 1* [The History of Theoretical Sociology, Vol. 1] (ed. Y. Davydov), Moscow: Kanon+, pp. 7–27.
- Davydov Y. (2008) *Trud i svoboda* [Labor and Freedom]. *Trud i iskusstvo: izbrannye sochinenija* [Labor and Freedom: Selected Works], Moscow: Astrel, pp. 25–122.
- Demintseva E. (2020) No Title “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries around and inside School Space. *Race Ethnicity and Education*, vol. 23, no 4, pp. 598–612.
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost'* [Purity and Danger], Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole.

- Durkheim E. (2018) *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious Life: Totemic System in Australia], Moscow: Elementary Forms.
- Fedorova K., Maslov B, Kharkhordin O. (eds.) (2019) *Zhit' s dostoinstvom* [To Live with Dignity], Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb.
- Filippov A. F. (2006) Sociologija prostranstva: obshhij zamysel i klassicheskaja razrabotka problem [The Sociology of Space: The General Idea and the Classical Development of the Problems]. *Logos 1991–2005. Izbrannoe. T. 1* [Logos 1991–2005: Selected Papers, Vol. 1], Moscow: Territoriya Budushhego, pp. 318–367.
- Filippov A. F. (2006) Vosstanie karteziancev: k sociologicheskoi harakteristike fil'ma "Begushhij po lezviyu" [The Uprising of Cartesians: Toward a Sociological Characterization of Blade Runner]. *Fantasticheskoe kino: jepizod pervyj* [Sci-Fi Movies: Episode 1] (ed. N. Samutina), Moscow: New Literary Observer, pp. 124–152.
- Filippov A. F. (2013) Sovetskaja sociologija kak policejskaja nauka [Soviet Sociology as a Police Science]. *New Literary Observer*, no 5, pp. 48–63.
- Filippov A. F. (2019) V ozhidanii chuda: sociologija replikantov kak politicheskaja teologija ("Begushhij po lezviyu 2049") [Waiting for a Miracle: The Sociology of Replicants as Political Theology (Blade Runner 2049)]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no 3, pp. 69–101.
- Foley D. E. (1997) Deficit Thinking Models Based on Culture: The Anthropological Protest. The Evolution of Deficit Thinking. *Educational Thought and Practice* (ed. R. R. Valencia), London: The Falmer Press, pp. 113–131.
- Fordham S., Ogbu J. U. (1986) Black Students' School Success: Coping with the "Burden of 'Acting White'". *The Urban Review*, vol. 18, pp. 176–206.
- Fromm E. (1992) Marksova koncepcija cheloveka [Marx's Concept of Man]. *Dusha cheloveka* [The Heart of Man], Moscow: Respublika, pp. 375–414.
- Furlong A., Cartmel F. (2007) *Young People and Social Change: New Perspectives*, London: Open University Press.
- Gajdosikienė I. (2004) Oscar Lewis' Culture of Poverty: Critique and Further Development. *Sociologija*, no 1, pp. 88–96.
- Gerber Th. P. (1998) More Shock than Therapy: Market Transition, Employment, and Income in Russia, 1991–1995. *American Journal of Sociology*, vol. 104, no 1, pp. 1–50.
- Gerber Th. P. (2002) Structural Change and Post-Socialist Stratification: Labor Market Transitions in Contemporary Russia. *American Sociological Review*, vol. 67, no 5, pp. 629–659.
- Gerber Th. P. (2003) Loosening Links? School-to-Work Transitions and Institutional Change in Russia since 1970. *Social Forces*, vol. 82, no 1, pp. 241–276.
- Gerber Th. P. (2004) Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*, vol. 69, no 5, pp. 677–703.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
- Gimpelson V. E., Treisman D. (2018) Misperceiving Inequality. *Economics and Politics*, vol. 30, no 1, pp. 27–54.
- Girard R. (2000) *Nasilie i svjashhennoe* [Violence and the Sacred], Moscow: New Literary Observer.
- Godelier M. (2007) *Zagadka dara* [The Enigma of the Gift], Moscow: Vostochnaja literatura.
- Gofman A. (2011) Social'naja antropologija Marselja Mossa [Marcel Mauss's Social Anthropology]. Mauss M., *Obshhestva. Obmen. Lichnost': trudy po social'noj antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology], Moscow: KDU, pp. 7–54.
- Gofman A. (2017) Spravedlivost' kak sociologicheskaja ideja: ot klassiki k sovremennosti [Justice as a Sociological Idea: From Classic to Modern]. *Lichnost. Kultura. Obshhestvo*, vol. XIX, no 1–2, pp. 65–79.
- Gofman A. (2018) O tradicionnosti, identichnosti i legitimnosti: sociologicheskie aspekty vzaimosvjazi [On Traditionality, Identity, and Legitimacy: Sociological Aspects of Interconnection]. *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik. Vyp. 16* [Russia Reformed, Issue 16] (ed. M. Gorshkov), Moscow: Novy Khronograf, pp. 34–54.
- Gramsci A. (1991) *Tjurennyye tetradi. Ch. 1* [Prison Notebooks, Part 1], Moscow: Politizdat.

- Gray J. R. (2001) Emotional Modulation of Cognitive Control: Approach-Withdrawal States Double-Dissociate Spatial from Verbal Two-Back Task Performance. *Journal of Experimental Psychology: General*, vol. 130, no 3, pp. 436–452.
- Gudkov L. D. (2011) *Abortivnaja modernizacija* [The Abortive Modernization], Moscow: ROSSPEN.
- Guriev S. (2018) Fairness and Support for the Reforms: Lessons from the Transition Economies. *SUERF Policy Note*, no 24. Available at: <https://www.suerf.org/policynotes/1993/fairness-and-support-for-the-reforms-lessons-from-the-transition-economies> (accessed 20 September 2020).
- Guriev S. (2018) Jeftektivnoe neravenstvo [Effective Inequality]. *Atomic Expert*. Available at: <http://atomicexpert.com/page4214982.html> (accessed 20 September 2020).
- Guriev S. (2020) Labor Market Performance and the Rise of Populism. *IZA World of Labor*, no 479. Available at: <https://wol.iza.org/articles/labor-market-performance-and-the-rise-of-populism/long> (accessed 20 September 2020).
- Guriev S. (2020) Neravenstvo spravedlivoje i nespravedlivoje [Just and Unjust Inequality]. *EKONS: Ekonomichesky razgovor*. Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/neravenstvo-spravedlivoje-i-nespravedlivoje/> (accessed 20 September 2020).
- Guriev S., Papaioannou E. (2020) The Political Economy of Populism. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3542052> (accessed 20 September 2020).
- Haidt J. (2001) The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgement. *Psychological Review*, vol. 108, no 4, pp. 814–834.
- Harlé K. M., Shenoy Pr., Paulus M. P. (2013) The Influence of Emotions on Cognitive Control: Feelings and Beliefs — Where Do They Meet?. *Frontiers in Human Neuroscience*. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2013.00508/full> (accessed 20 September 2020).
- Harrington M. (1962) *The Other America: Poverty in the United States*, New York: Macmillan.
- Harvey D. L., Reed M. H. (1996) The Culture of Poverty: An Ideological Analysis. *Sociological Perspectives*, vol. 39, no 4, pp. 465–495.
- Holub R. (1992) *Antonio Gramsci: Beyond Marxism and Postmodernism*, London: Routledge.
- Ignatow G. (2007) Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology?. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 2. P. 115–135.
- Ignatow G. (2010) Morality and Mind-Body Connections. *Handbook of the Sociology of Morality* (eds. S. Hiltin, S. Vaisey), New York: Springer, pp. 411–424.
- Ignatow G. (2012) Mauss's Lectures to Psychologists: A Case for Holistic Sociology. *Journal of Classical Sociology*, vol. 12, no 1, pp. 3–21.
- Ille M., Sokolov M. (2018) Statusnaja kul'tura vo vremena jekonomicheskoj transformacii: Potreblenie vysokoj kul'tury v Peterburge, 1991–2011 [Status Culture in the Times of Economic Transformation. Cultural Participation in Saint Petersburg, 1991–2011]. *Universe of Russia*, vol. 27, no 1, pp. 159–182.
- Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*, Berkeley: University of California Press.
- Ivaniushina V. A., Alexandrov D. A. (2018) Anti-School Attitudes, School Culture and Friendship Networks. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 39, no 5, pp. 698–716.
- Jackson M. (2020) *Manifesto for a Dream: Inequality, Constraint, and Radical Reform*, Redwood City: Stanford University Press.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J. H., Yaish M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*, vol. 50, no 3, pp. 211–229.
- Jackson M., Khavenson T., Chirkina T. (2020) Raising the Stakes: Inequality and Testing in the Russian Education System. *Social Forces*, vol. 98, no 4, pp. 1613–1635.
- Kahneman D. (2020) *Dumaj medlenno, reshaj bystro* [Thinking, Fast and Slow], Moscow: AST.
- Kalinin R., Deviatko I. (2019) Kto zaplatit za vodoprovod: social'nyj kontekst vosprijatija distributivnoj spravedlivosti [Who Should Pay for a Water Pipe: Social Context of Distributive Justice Perception]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 2, pp. 95–114.
- Kapeliushnikov R. (2019) Jekonomicheskoe neravenstvo — vselenskoe zlo? [Is Economic Inequality a Universal Evil?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 4, pp. 91–106.

- Kapeliushnikov R. (2020) Universal'nyj bazovyj dohod: est' li u nego budushhee? [Universal Basic Income: Does It Have a Future?] (Working Paper WP3/2020/04), Moscow: HSE.
- Kelly S. (2008) Race, Social Class, and Student Engagement in Middle School English Classrooms. *Social Science Research*, vol. 37, no 2, pp. 434–448.
- Khar'kova T., Nikitina S., Andreev E. (2017) Zavisimost' prodolzhitel'nosti zhizni ot urovnja obrazovanija v Rossii [Dependence of Life Expectancy on the Education Levels in Russia]. *Voprosy statistiki*, no 8, pp. 61–69.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Jeffektivno podderzhivaemoe neravenstvo: vybor obrazovatel'noj traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 66–89.
- Khavenson T., Chirkina T. (2019) Obrazovatel'nyj vybor uchashhihsja posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichnyh i vtorichnyh jeffektov social'no-jekonomicheskogo polozenija sem'l [Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no 4, pp. 539–54.
- Kivinen M. (2006) Classes in the Making? The Russian Social Structure in Transition. *Inequalities of the World* (ed. G. Therborn), London: Verso, pp. 247–294.
- Konstantinovskij D. (2008) *Neravenstvo i obrazovanie: opyt sociologicheskij issledovanij zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-h)* [Inequality and Education: A Sociological Study of the Commencement of Russian Youth (1960s — Early 2000s)], Moscow: Centr socialnogo prognozirovanija i marketinga.
- Konstantinovskij D., Vakhshain V., Kurakin D., Roshchina Y. (2006) *Dostupnost' kachestvennogo srednego obrazovanija v Rossii: vozmozhnosti i ogranichenija* [The Availability of Quality Secondary Education in Russia: Opportunities and Limits], Moscow: Logos.
- Kordonskij S. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii* [The Estates Structure of Post-Soviet Russia], Moscow: Obshhestvennoe mnenie.
- Kosyakova Y., Kurakin D. (2015) Do Institutions Matter? Occupational Gender Segregation at Labor Market Entry in Soviet and Post-Soviet Russia. *Gender, Education and Employment: An International Comparison of School-to-Work Transitions* (eds. H.-P. Blossfeld, J. Skopek, M. Triventi, S. Buchholz), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 304–324.
- Kosyakova Y., Kurakin D. (2016) Imejut li znachenie instituty? Professional'naja gendernaja segregacija na jetape vyhoda na rynek truda v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Do Institutions Matter? Occupational Gender Segregation at Labor Market Entry in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 5, pp. 127–145.
- Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P. (2015) Horizontal and Vertical Gender Segregation in Russia—Changes upon Labour Market Entry before and after the Collapse of the Soviet Regime. *European Sociological Review*, vol. 31, no 5, pp. 573–590.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality within the Russian Educational System. *Models of Secondary Education and Social Inequality: An International Comparison* (eds. H.-P. Blossfeld, S. Buchholz, J. Skopek, M. Triventi), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 323–342.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Vosproizvodstvo social'nogo neravenstva v rossijskoj obrazovatel'noj sisteme [The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 5, pp. 76–97.
- Kovas Yu., Haworth C. M. A., Dale Ph. S., Plomin R., Weinberg R. A., Thomson J. M., Fischer K. W. (2007) *The Genetic and Environmental Origins of Learning Abilities and Disabilities in the Early School Years*, Oxford: Blackwell.
- Kurakin D. (2005) Simvolicheskie klassifikacii i "zheleznaja kletka": dve perspektivy teoreticheskij sociologii [Symbolic Classifications and "Iron Cage": Two Perspectives in Theoretical Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 63–81.
- Kurakin D. (2010) Literature as a Meaningful Life Laboratory. *Integrative Psychological & Behavioral Science*, vol. 44, no 3, pp. 227–234.

- Kurakin D. (2011) Modeli tela v sovremennom populjarnom i jekspertnom diskurse: k kul'tursociologicheskoj perspektive analiza [Models of the Body in Contemporary Popular and Expert Discourse: Toward a Cultural Sociological Perspective of Analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 1–2, pp. 56–74.
- Kurakin D. (2011) Uskul'zajushhee sakral'noe: problema ambivalentnosti sakral'nogo i ee znachenie dlja "sil'noj programmy" kul'tursociologii [Eluding Sacred: Ambiguity of the Sacred and Its Importance for the "Strong Program" in Cultural Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 41–70.
- Kurakin D. (2014a) How Root Metaphors Structure Meaningful Life by Means of Emotions: Theory and Empirical Illustration from the Sphere of Academic Ethics (CCS Working Paper 2014-08), New Haven: Yale University.
- Kurakin D. (2014b) Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework (Working Paper WP 01/IE/2014), Moscow: HSE.
- Kurakin D. (2018) Predislovie k russkomu perevodu "Jelementarnyh form religioznoj zhizni" [Preface to Russian Translation of "The Elementary Forms of the Religious Life"]. Durkheim E., *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious Life: Totemic System in Australia], Moscow: Elementary Forms, pp. 15–48.
- Kurakin D. (2019a) The Cultural Mechanics of Mystery: Structures of Emotional Attraction in Competing Interpretations of the Dyatlov Pass Tragedy. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 7, no 1, pp. 101–127.
- Kurakin D. (2019b) The Sacred, Profane, Pure, Impure, and Social Energization of Culture. *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology* (eds. W. H. Brekhus, G. Ignatow), New York: Oxford University Press, pp. 485–506.
- Kurakin D. (2020) Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 63–89.
- Kusimova T. (2018) Klass i status: shkol'naja sreda kak mesto vosproizvodstva razlichij (na primere selektivnyh shkol g. Moskvy) [Class and Status: School Milieu as a Place of the Reproduction of Differences (The Case of Moscow Selective Schools)], Moscow: HSE.
- Kuzminov Y. I., Sorokin P. S., Froumin I. (2020) How Can Education Contribute to Socioeconomic Development? Rethinking Human Capital for the Labour Market of the Future. *Bologna Process beyond 2020: Fundamental Values of the EHEA*, Bologna: Bolonia University Press, pp. 1–6.
- Kuzminov Y., Nabiullina Y., Radaev V., Subbotina T. (1989) *Otchuzhdenie truda: istorija i sovremennost'* [The Alienation of Labor: History and Present Time], Moscow: Ekonomika.
- Lamont M. (1992) *Money, Morals and Manners*, Chicago: University of Chicago Press.
- Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*, Cambridge: Harvard University Press.
- Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion, and Academic Evaluation. Erasmus Prize Essay*, Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M., Beljean St., Clair M. (2014) What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573–608.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrahi N., Herzog H., Reis E. (2016) *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*, Princeton: Princeton University Press.
- Lamont M., Small M. L., Harding D. J. (2010) Introduction: Reconsidering Culture and Poverty. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 629, no 1, pp. 6–27.
- Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*, Berkeley: University of California Press.
- Levi-Strauss C. (2018) *Pechal'nye tropiki* [Tristes Tropiques], Moscow: AST.
- Levine L. J., Burgess St. L. (1997) Beyond General Arousal: Effects of Specific Emotions on Memory. *Social Cognition*, vol. 15, no 3, pp. 157–181.
- Lewis O. (1959) *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*, New York: Basic Books.
- Lewis O. (1966) *La Vida: A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty — San Juan and New York*, New York: Random House.

- Lichand G., Mani A. (2020) Cognitive Droughts (University of Zurich, Department of Economics, Working Paper No 341). Available at: <https://ssrn.com/abstract=354014s> (accessed 20 September 2020).
- Lizardo O. (2014) Beyond the Comtean Schema: The Sociology of Culture and Cognition versus Cognitive Social Science. *Sociological Forum*, vol. 29, no 4, pp. 983–989.
- Lizardo O. (2017) Improving Cultural Analysis: Considering Personal Culture in Its Declarative and Nondeclarative Modes. *American Sociological Review*, vol. 82, no 1, pp. 88–115.
- Lizardo O., Sepulvado B., Stoltz D. S., Taylor M. A. (2020) What Can Cognitive Neuroscience Do for Cultural Sociology?. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 3–28.
- Lucas S. R. (2009) Stratification Theory, Socioeconomic Background, and Educational Attainment: A Formal Analysis. *Rationality and Society*, vol. 21, no 4, pp. 459–511.
- Malik V. (2019) The Russian Panel Study “Trajectories in Education and Careers”. *Longitudinal and Life Course Studies*, vol. 10, no 1, pp. 125–144.
- Malinowski B. (2004) *Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana* [Selected Works: Argonauts of the Western Pacific], Moscow: ROSSPEN.
- Mareeva S. (2020) Socio-Economic Inequalities in Modern Russia and Their Perception by the Population. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 7, art. 10.
- Martin J. L. (2010) Life’s a Beach but You’re an Ant, and Other Unwelcome News for the Sociology of Culture. *Poetics*, vol. 38, no 2, pp. 228–243.
- Marx K. (1974) Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marx K., Engels F., *Sochinenija. T. 42* [Works, Vol. 42], Moscow: Politizdat, pp. 41–174.
- Marx K., Engels F. (1955) Nemeckaja ideologija [German Ideology]. *Sobranie sochinenij. T. 3* [Works, Vol. 3], Moscow: Politizdat.
- Marzi T., Regina A., Righi S. (2014) Emotions Shape Memory Suppression in Trait Anxiety. *Frontiers in Psychology*. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2013.01001/full> (accessed 20 September 2020).
- Massey D. P. (2007) *Categorically Unequal: The American Stratification System*, New York: Russell Sage Foundation.
- Mast J. L. (2020) Representationalism and Cognitive Culturalism: Riders on Elephants on Turtles All the Way down. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 90–123.
- Mauss M. (1996) Fizicheskoe vozdejstvie na individa kolektivno vnushennoj mysli o smerti [Physical Effects on the Individual of the Collectively Suggested Idea of Death]. *Obshhestva. Obmen. Lichnost’: trudy po social’noj antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology], Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 223–241.
- Mauss M. (1996) Ocherk o dare: forma i osnovanie obmena v arhaicheskikh soobshhestvakh [The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies]. *Obshhestva. Obmen. Lichnost’: trudy po social’noj antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology], Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 83–222.
- Mauss M. (1996) Tehniki tela [Body Techniques]. *Obshhestva. Obmen. Lichnost’: trudy po social’noj antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology], Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 242–250.
- Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine. *International Studies in Sociology of Education*. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09620214.2020.1728362> (accessed 20 September 2020).
- Moynihan D. P. (1965) *The Negro Family: The Case for National Action*, Washington: U.S. Government Printing Office.
- Mullainathan S., Shafir E. (2013) Decision Making and Policy in Context of Poverty. *The Behavioral Foundations of Public Policy* (ed. E. Shafir), Princeton: Princeton University Press, pp. 281–297.
- Newen A., De Bruin L., Gallagher S. (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Oxford: Oxford University Press.
- Ovcharova L., Popova D., Rudberg A. (2016) Dekompozicija faktorov neravenstva dohodov v sovremennoj Rossii [Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia]. *Journal of the New Economic Association*, no 3, pp. 170–186.

- Pavlov A. (2020) *Besplatnye den'gi v myshelovke nadzornogo kapitalizma: bazovyj dohod i social'naja teorija* [Free Money in a Mousetrap of Surveillance Capitalism: Basic Income and Social Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 2, pp. 198–224.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Cambridge: Harvard University Press.
- Piketty Th. (2015) *K politicheskoj i istoricheskoj jekonomii: razmyshlenija o kapitale v XXI veke* [Towards a Political and Historical Economy: Reflections on the Capital in the Twenty-First Century]. *Russian Journal of Economic History*, no 4, pp. 7–19.
- Polanyi M. (1968) *Life's Irreducible Structure*. *Science, New Series*, vol. 160, no 3834, pp. 1308–1312.
- Prakhov I., Yudkevich M. (2019) *University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams?*. *International Journal of Educational Development*, vol. 65, pp. 98–105.
- Pyankova A., Fattakhov T. (2017) *Smertnost' po urovnju obrazovanija v Rossii* [Mortality by Educational Level in Russia]. *HSE Economic Journal*, no 4, pp. 623–647.
- Radaev V. (2002) *Osnovnye napravlenija razvitija sovremennoj jekonomicheskoi sociologii* [The Main Directions of the Development of Contemporary Economic Sociology]. *Jekonomicheskaja sociologija: novye podhody k institucional'nomu i setevomu analizu* [Economic Sociology: New Approaches to Institutional and Network Analysis] (ed. V. Radaev), Moscow: ROSSPEN, pp. 3–18.
- Raftery A. E., Hout M. (1993) *Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75*. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.
- Ridgeway C. L. (2011) *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*, Oxford: Oxford University Press.
- Rogozin D. (2017) *Stol'ko ne zhivut: miniatjury o stoletnih* [People do not Live So Long: Short-Short Stories of Centenarians]. *Chelovek*, no 2, pp. 55–68.
- Rogozin D. (2018) *Chto delat' so starejushhim telom?* [What do We have to Do with an Ageing Body?]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 21, no 2, pp. 133–64.
- Rogozin D. (2019) *Starost' v sel'skoj Rossii* [Old Age in Rural Russia]. *Puti Rossii: granicy politiki* [Paths of Russia: The Borders of Politics] (ed. M. Pugacheva), Moscow: Delo, pp. 273–288.
- Roshchina Y. (2016) *Stil' zhizni v otnoshenii zdorov'ja: imeet li znachenie social'noe neravenstvo?* [Health-Related Lifestyle: Does Social Inequality Matter?]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 17, no 3, pp. 13–36.
- Rousseau J.-J. (2011) *O prichinah neravenstva* [On the Origin of Inequality], Moscow: Nobel Press.
- Rudakov V., Roshchin S. (2019) *The Impact of Student Academic Achievement on Graduate Salaries: The Case of a Leading Russian University*. *Journal of Education and Work*, vol. 32, no 2, pp. 156–180.
- Rutkevitch M., Filippov F. (1970) *Social'nye peremeshhenija* [Social Mobility], Moscow: Mysl.
- Samutina N. (ed.) (2006) *Fantasticheskoe kino: jepizod pervyj* [Sci-Fi Movies: Episode 1], Moscow: New Literary Observer.
- Scheler M. (1999) *Resentiment v strukture moralej* [Resentiment], Moscow: Nauka.
- Sennett R. (2003) *Respect in a World of Inequality*, New York: W. W. Norton & Co.
- Sennett R., Cobb J. (1993) *The Hidden Injuries of Class*, New York: W. W. Norton & Co.
- Sharikov D. (2019) *Novaja sociologija kul'tury: ot "jashhikov s instrumentami" k kognitivnym processam* [The New Sociology of Culture: From Toolkits to Cognitive Processes]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no 3, pp. 179–210.
- Sharikov D. D. (2020) *Culture and Cognition: In Search of a Non-Reductionist Framework*. *Sociology of Power*, vol. 32, no 2, pp. 104–124.
- Shkaratan O. (1970) *Problemy social'noj struktury rabochego klassa SSSR: istoriko-sociologicheskoe issledovanie* [The Issues of the Social Structure of Working Class in USSR: Historical and Sociological Study], Moscow: Mysl.
- Shorrocks A., Davies J., Lluberis R. (2019) *Global Wealth Report 2019*, Zurich: Credit Suisse Research Institute.
- Shubkin V. (1970) *Sociologicheskie opyty* [Sociological Essays], Moscow: Mysl.
- Silva J. M. (2013) *Coming Up Short: Working-Class Adulthood in an Age of Uncertainty*, New York: Oxford University Press.
- Smith S, pp. (2007) *Lone Pursuit: Distrust and Defensive Individualism among the Black Poor*, New York: Russel Sage Foundation.

- Streib J. (2017) The Unbalanced Theoretical Toolkit: Problems and Partial Solutions to Studying Culture and Reproduction but Not Culture and Mobility. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 5, no 1–2, pp. 127–153.
- Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Journal of Sociology*, vol. 51, no 2, pp. 273–286.
- Therborn G. (2006) Meaning, Mechanisms, Patterns, and Forces: An Introduction. *Inequalities of the World* (ed. G. Therborn), London: Verso, pp. 1–59.
- Timonin S., Danilova I., Andreev E. M., Shkolnikov V. (2017) Recent Mortality Improvement in Russia: Are Regions Following the Same Tempo?. *European Journal of Population*, vol. 33, no 5, pp. 733–763.
- Timonin S., Jasilionis D., Shkolnikov V., Andreev E. M. (2020) New Perspective on Geographical Mortality Divide in Russia: A District-Level Cross-Sectional Analysis, 2008–2012. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 74, no 2, pp. 144–150.
- Turner V. (1983) *Simvoli ritual* [Symbol and Ritual], Moscow: Nauka.
- Vaisey St. (2009) Motivation and Justification: A Dual-Process Model of Culture in Action. *American Journal of Sociology*, vol. 114, no 6, pp. 1675–1715.
- Vakhshain V. (2011) Post-postsovetskaja sociologija: konec pervogo akta [Post-Soviet Sociology: The End of Act 1]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, no 2, pp. 59–77.
- van Gennep A. (1999) *Obrjady perehoda: sistematičeskoe izučenie obrjadov* [The Rites of Passage], Moscow: Vostochnaja literatura.
- Varlamova M., Sinyavskaya O. (2020) Active Ageing Index in Russia: Identifying Determinants for Inequality. *Journal of Population Ageing*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12062-020-09277-4> (accessed 20 September 2020).
- Vetlesen A. J. (2010) *Filosofija boli* [A Philosophy of Pain], Moscow: Progress-Traditsia.
- Walker Ch. (2007) Navigating a “Zombie” System: Youth Transitions from Vocational Education in Post-Soviet Russia. *International Journal of Lifelong Education*, vol. 26, no 5, pp. 513–531.
- Walker Ch. (2009) From “Inheritance” to Individualization: Disembedding Working-Class Youth Transitions in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*, vol. 12, no 5, pp. 531–545.
- Walker Ch. (2010) *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*, London: Routledge.
- Wilkinson R., Pickett K. (2011) *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*, London: Allen Lane.
- Willis P. E. (1977) *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*, Westmead: Saxon House.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*, vol. 91, no 3, pp. 224–241
- Zarefsky D. (1986) *President Johnson's War on Poverty: Rhetoric and History*, Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Zaslavskaya T. (2003) *Societal'naja transformacija rossijskogo obshhestva* [Social Transformation of Russian Society], Moscow: MSSES.
- Zenkin S. (2008) Svoe, chuzhoe i nich'e (k probleme pamjati u Dzh. R. R. Tolkiena i H. L. Borhesa) [One's, Other's, and Nobody's (Towards the Problem of Memory in J. R. R. Tolkien and J. L. Borges)]. *Otechestvennye Zapiski*, vol. 43, no 4, pp. 26–37.
- Zigler E., Valentine J. (eds.) (1979) *Project Head Start: A Legacy of the War on Poverty*, New York: The Free Press.